

Подготовлено для онлайн библиотеки Киевской Духовной Академии и Семинарии
<http://Lib.kdais.kiev.ua>

УКРАИНСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
КИЕВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Подготовлено для онлайн библиотеки Киевской Духовной Академии и Семинарии
<http://Lib.kdais.kiev.ua>

О духовничестве

© Сканирование и создание электронного варианта:
Библиотека Киевской Духовной Академии
(www.lib.kdais.kiev.ua)

Киев
2012

Господи Исусе Христе, Сыне и Слове Божий
помяни и помилуй почивших сих рабов Твоих!

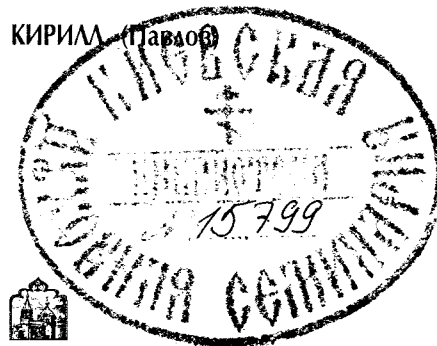
Николая	Галину	Светлану
Владимира	Алексия	Игоря
Григория	Варвару	Алексия
Григория	Афанасия	Александра
Харитину	Николая	Устину
Павла	Ивана	Параскеву
Даниила	Даниила	Пелагею
Анастасию	Евгению	Владимира
Елизавету	Марию	Ивана
Елену	Василия	Софию
Игната	Петра	Юрия
Игната	Ивана	Отр.Евгения
Софию	Ивана	Тамару
Ефима	Ирину	Галину

Читающий, помолись по возможности за эти души,
близкие дарителю книги(в Киево-Печерскую Лавру.

Библиотека журнала «Церковь и время»

О ДУХОВНИЧЕСТВЕ

- Святейший Патриарх Московский
и всея Руси АЛЕКСИЙ II
- Определение Священного Синода
Русской Православной Церкви (1998 г.)
- Митрополит Сурожский АНТОНИЙ
- Митрополит Солнечногорский СЕРГИЙ
- Архимандрит КИРИЛЛ (Павлов)

Фонд «Христианская жизнь»
Клин 2001

ББК 86.37

О-11

*По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
АЛЕКСИЯ II*

Составление и общая редакция
игумена ИЛАРИОНА (Алфеева)

ISBN 5-93313-022-2

© Оформление: фонд «Христианская жизнь», 2000

От составителя

Возрождение Русской Православной Церкви, начавшееся в год Тысячелетия Крещения Руси и продолжающееся поныне, коснулось всех сфер церковной жизни, поставив перед чадами Церкви и ее пастырями множество новых задач, в том числе в области духовничества.

Русская Церковь всегда славилась своими духовниками и старцами: достаточно вспомнить имена таких великих духовных руководителей, как преподобный Сергий Радонежский, преподобный Серафим Саровский, святой праведный Иоанн Кронштадтский, старцы Оптиной пустыни. Золотая цепь духовного преемства не разорвалась и в XX веке, несмотря на тяжелейшие условия, в которых оказалась Церковь в послереволюционные годы. Не перевелись опытные духовные руководители и сейчас. Во многих храмах и монастырях Русской Церкви совершают они свое служение, приводя тысячи людей к Богу, встречая искаженные грехом человеческие души.

Однако наряду с истинными духовниками в последнее время появились и такие пастыри, которые, не имея достаточного духовного опыта, берут на себя не подобающее им достоин-

ство учителей и старцев, своими непродуманными советами вводя в соблазн верующих. Вместо здорового и трезвого православного учения такие духовники нередко проповедают взгляды, выходящие далеко за его рамки, налагая на людей «бремена неудобноносимые».

На имеющиеся злоупотребления в духовнической практике обратил внимание в декабре 1998 года Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II, напомнивший в своем ежегодном обращении к пастырям Московской епархии о той великой ответственности, которая возлагается на каждого духовника, и об опасности «младостарчества» (понятие, указывающее не на возраст духовника, а на отсутствие у него достаточного духовного опыта). Вслед за этим Священный Синод Русской Православной Церкви принял специальное Определение, посвященное «участившимся в последнее время случаям злоупотребления некоторыми пастырями вверенной им от Бога властью “вязать и решить”».

Данное Определение вызвало множество откликов со стороны опытных духовных руководителей, таких как митрополит Сурожский Антоний, который в своем интервью под названием «Берегитесь, братья мои, священники!» с большой резкостью высказался в адрес тех

пастырей, которые «своими поступками разрушают церковную жизнь, разрушают человеческие души» и «вносят соблазн в среду своих духовных чад». Комментарий к Определению Синода дал и Постоянный член Священного Синода митрополит Солнечногорский Сергей: будучи Управляющим делами Московской Патриархии, он сам нередко сталкивается со случаями нарушения отдельными пастырями норм и правил, относящихся к духовническому служению.

Тексты выступления Святейшего Патриарха, Определения Священного Синода и комментариев к нему митрополитов Сурожского Антония и Солнечногорского Сергея составляют основное содержание настоящей книги. Подборку текстов, посвященных актуальной теме духовничества, завершает интервью с архимандритом Кириллом (Павловым), известным всей России духовником Свято-Троицкой Сергиевой Лавры.

*Святейший Патриарх Московский
и всея Руси АЛЕКСИЙ II*

«Подлинный старец бережно относится к каждому человеку»

Наблюдая отрадный процесс возрождения церковной жизни в нашей стране, когда многие люди, искусственно оторванные от церковной традиции, в последнее десятилетие приходят к Богу, мы не можем не видеть, что главной трудностью является утрата связи нынешнего поколения российских христиан с поколением новомучеников, чей подвиг свидетельства о Христе, опыт жизни в Духе должен быть основой бытия нашей Церкви в XXI веке.

Со времен апостолов в Церкви Христовой епископы, как апостольские преемники, подают народу Божию благодатные дары Святых Таинств. «Без епископа нет Церкви, – говорит священномученик Игнатий Богоносец, – где епископ, там должен быть и народ, так же, как где Иисус Христос, там и соборная Церковь» (см.: К Смирнякам, гл. VIII).

В последнее время прошлое нашей Церкви нередко выставляется в искаженном свете, ее епископы становятся объектом злонамеренной клеветы. Это порождает у младенцев в вере превратное представление о епископах. И делается это сознательно – *поражу пастыря, и рассеются овцы* (Мф. 26:31).

Хотелось бы напомнить, что наши предшественники, Предстоятели Церкви мучеников и исповедников, сталкивались с этими тенденциями с момента возрождения Патриаршества в 1918 году.

Святой исповедник Патриарх Всероссийский Тихон и священномученик митрополит Крутицкий Петр подвергались критике за мнимые уступки существующему строю со стороны людей, которые, находясь в безопасности за рубежом, считали возможным судить гонимых братьев и ставить свои амбиции выше интересов Русской Церкви. Они же пытались дискредитировать Патриарха Сергия, чей диалог с властью предержавцами позволил избежать смерти многим тысячам христиан, а может быть – и уничтожения самой Русской Православной Церкви. Святейший Патриарх Алексий I, который, по воспоминаниям современников, литургисал так, что многие, только видя это, оставались верными Матери-Церкви, также был об-

виняем в отступлении от Православия за возродившиеся по его благословию экуменические контакты, которые в то время были единственным способом противостоять гонениям на Церковь.

Это поношение не прекращается и поныне, хотя зарубежные критики, упрекавшие нашу Церковь в зависимости от тоталитарного государства, потеряли сейчас свой главный аргумент.

Прискорбно видеть, что и среди живущих в России находятся люди, стремящиеся подражать этому «радению о Православии». Даже некоторые клирики нашей Церкви, сохраняя на словах преданность своему Священноначалию, ведут себя как раскольники, претендуя на роль неких «старцев». Критикуя Священноначалие, они, в отличие от духоносных отцов прошлого и настоящего, критикой пытаются привлечь к себе внимание и таким образом создать себе авторитет. Как правило, неизменно и единственным условием спасения они объявляют полнейшее подчинение себе тех, кто прибегает к их руководству, превращая их в неких роботов, не могущих без благословения такого «старца» совершить любое дело, каким бы незначительным оно ни было. Человек, таким образом, лишается той благодатной свободы

воли, которая ему дарована Богом. Для подтверждения своей правоты они неправомочно используют ссылки на творения святых отцов, профанируя их великое делание и извращая само понятие старчества.

Подлинный старец, прежде всего благодаря высокой духовности, бережно относится к каждому конкретному человеку. В силу своей опытности и благодатного дара он раскрывает образ Божий в человеке теми средствами, которые созвучны его духовному устроению и возрасту. Отдельные же современные «старцы» (а вернее их будет называть «младостарцами»), не обладая духовным рассуждением, налагают на воцерковляющихся *неудобоносимые бремена* (Лк. 11:46), применяют в своей пастырской деятельности штампы, губительные для духовной жизни, необоснованно применяют к мирянам, по большей части духовно еще не окрепшим, формы духовного руководства, уместные только в монашестве.

Нередко в доказательство преданности себе они требуют от приходящих к ним продать их скудное имущество, в результате чего те, лишившись имущества и жилья, попадают в абсолютную зависимость от такого пастыря. Столь превратное толкование слов Спасителя: *Все, что имеешь, продай... и... следуй за Мною*

(Лк. 18:22) больше согласуется с практикой современных тоталитарных сект, наводнивших Россию в последние годы, чем с духом Евангельских заветов.

Подобными же «старцами» распространяется и практика заключения браков, при которой благословение на совместную жизнь преподается людям малознакомым или вообще незнакомым друг с другом. Часто это соединяется с внушением неправославного взгляда на это Таинство, при котором смысл брака усматривается исключительно в рождении детей. Такой взгляд совершенно не согласуется со святоотеческим пониманием Таинства Брака как школы возрастания в христианской любви, как таинственного единения духа, души и тела супругов. Такое младостарческое толкование брака сужает полноту духовной жизни, возможную в христианской семье, сводит ее до проявления одного человеческого естества. Оно мешает созиданию домашних церквей, в чем, по мысли одного современного апологета, для Русской Церкви и заключается ее будущее: «Научатся ее члены создавать домашние церкви – будет существовать Русская Церковь, не сумеют – Русская Церковь иссякнет» (*Протоиерей Глеб Каледа. Домашняя Церковь. М., 1997. С. 12*).

Те же младостарцы довольно часто не допускают до Причастия людей, «не снявших венцы», то есть не расторгнувших церковный брак. В результате люди, порой в возрасте 60–70 лет, много лет назад разведенные и не имеющие никакого намерения вступать в новый брак, осаждают Патриархию с требованием снятия благословения с брака. Правда, случаются среди них и люди весьма молодые, уже вступившие в брак во второй раз, которым, снисходя к их немощи, действительно дается такое благословение, для этого имеется соответствующий чин второбрачного венчания. Но для тех, кто намерен использовать подобный развод лишь для более свободного шествия по греховному пути прелюбодеяния, благословение, естественно, даваться не может.

То гипертрофированное значение, какое придается в младостарческих приходах личности священника, пагубно сказывается и на богослужебной жизни. Ее центром становится исповедь, которая обставляется неуместными церемониями, превращаясь из сугубо личного Таинства в массовое действо, о чем я еще скажу несколько позже. Литургия в таких случаях совершается с непозволительным небрежением, иногда с перерывами для продолжения исповеди.

В проповедях эти священнослужители, обращая внимание своих прихожан на важность Таинства Покаяния, не раскрывают им полноты значения Святой Евхаристии как Таинства, созидающего Церковь.

Нездоровая зависимость новообращенных от личности младостарца порождает искаженные формы приходской жизни. Люди идут в церковь, чтобы встретиться со «своим батюшкой», а не со Христом, чтобы поговорить со знакомыми, а не для молитвенного общения с Полнотой Церкви. Характерная для воцерковляющихся ущербность церковного сознания, в котором не находится места понятию о соборности и вселенскости Церкви, поддерживается такими пастырями, внушающими своим чадам, что спасение возможно лишь в пределах их общины, и для утверждения в этом осуждающими других священнослужителей, тем самым отталкивая людей от них. Это ведет к самоизоляции подобных общин от других приходов, от епископа и, в конечном счете, от Церкви.

Самоизоляция часто имеет следствием недопустимую политизацию таких общин, когда «левая» или «правая» политическая ориентация объявляется единственно соответствующей православному миропониманию. В таких общинах легко приживается та губительная для церков-

ного единства критика Священноначалия, о которой мы только что говорили. Неудивительно, что болезненные формы общинной жизни в этих приходах больше напоминают сектантскую замкнутость раскольнических общин или обособленность протестантских групп. Подобных общин в послереволюционные годы возникало множество, и печальная участь их нам известна. Община, не возглавляемая епископом, отсекает себя от Церкви, а значит, уже обречена на духовную смерть.

Названные искажения пастырской деятельности, литургической и общинной жизни имеют серьезные экклезиологические последствия. Священники, подобными путями утверждающие свой авторитет, фактически присваивают себе честь, которая по праву может принадлежать только епископу. Происходящее в связи с этим разрушение церковного сознания как у них самих, так и у их паствы, формирует в Церкви идеологическое и экклезиологическое течение, по сути, протестантского типа, в котором теряется Дух, созидающий богослужebные и организационные формы Православия, наполняющий и животворящий их. И, как результат этого, люди, нашедшие «дорогу в Церковь», отворачиваются от нее, несмотря на воссоздание внешнего благолепия храмов и их

материального благополучия. И в этом, к сожалению, вина не их, а подобных «старцев»-лжепастырей.

Не меньше отталкивает людей от Церкви и формальное отношение священнослужителей к своим пастырским обязанностям.

Чрезвычайно важно как можно скорее перейти от практики формального требоисполнительства к благоговейному, вдумчивому совершению Таинств и обрядов, прежде всего крещения, исповеди, брака и отпевания. Здесь всегда необходимо сердечное участие священника, необходимы катехизация – подготовка к совершению Таинства – и проповедь, так как в эти главные моменты человеческой жизни особенно легко найти контакт с открывающимся навстречу Божественной правде сердцем человека. Напротив, формальный или даже «коммерческий» подход священника к приходящим в Церковь людям надолго, если не навсегда, отталкивает от храма, внушает презрение к алчному духовенству. Церковь – это не магазин духовных товаров, здесь недопустима «торговля благодатью». *Туне прияте – туне дадите*, – заповедал нам Христос. Тот, кто превращает свое пастырское служение в средство скверного прибытка, достоин участи Симона-волхва. Лучше, чтобы такие

люди покинули пределы Церкви и занимались бизнесом на рынках.

Наибольшие нарекания вызывает практика совершения некоторыми священниками Таинства Покаяния.

Одни священники, в основном из белого духовенства, зачастую вовсе не выслушивают кающихся. В какой-то степени это оправдывается в многолюдных приходах большим стечением народа в праздники, хотя нами уже неоднократно давались указания о выделении в таких приходах для совершения исповеди большего количества священников.

Не лучше и другая крайность, характерная в основном для духовенства монастырей. Человеку, пришедшему на исповедь, внушают, что он должен вспомнить и рассказать каждый грех до мельчайших подробностей. И не только грех, но даже и помысел. Результат бывает плачевным: человек, отходя от исповеди, чувствует себя неизцеленным, а то и приходит в полное отчаяние, осознавая невозможность вспомнить абсолютно все.

Таким духовникам надлежало бы вспомнить первоначальное предназначение Таинства Покаяния. Здесь не требуется большой премудрости, надо только открыть Требник и посмотреть вопросы, задаваемые кающемуся в по-

следовании исповеди. Изначально к этому Таинству прибегали в тех случаях, когда человек совершал смертный грех, через который отпадал от Церкви.

Что же касается грехов пожеланий, совершенных в мыслях (борьбы помыслов), то они открывались обычно на исповедании помыслов, совершаемом прежде в монастырях. Но исповедание помыслов не было связано с Таинством Покаяния – его принимал старец, порой не имеющий сана. При этом он давал наставления и, конечно же, не читал разрешительной молитвы, поскольку это была беседа.

В наши дни многие так называемые младостарцы, не имея должного понимания Таинства Покаяния, превращают исповедь либо в истязание кающегося, либо в беседу, длящуюся порой по часу с каждым человеком, невзирая на то, что стоит масса исповедников. В результате, как правило, задерживается начало Божественной литургии, а многие из пришедших на исповедь уходят без нее.

Нередко такие «духовники» совершают подобные исповеди и во время Литургии: на антифонах, во время чтения поминальных записок, запричастного стиха, совершая одновременно и Божественную литургию и нарушая тем строгий порядок богослужения.

Некоторые верующие, готовясь к исповеди, делают записи. Этот обычай, полезный сам по себе, при неправильном понимании смысла исповеди имеет отрицательное воздействие на душу кающегося. При подходе, требующем «рассказать все до мельчайших подробностей», у верующего вырабатывается отношение к исповеди как к рапорту перед Богом о допущенных грехах. На исповеди таких людей хорошо прослеживается желание зачитать все как можно быстрее (по недостатку времени) и полнее, чтобы что-то не упустить, иногда без всякого покаянного чувства. После исповеди такие люди часто подходят вновь и неоднократно, говоря, что забыли такой-то грех. При этом, как правило, они просят священника разорвать или сжечь запись, считая это действие чуть ли не главным тайносовершительным моментом всей исповеди.

Еще хуже, когда священник, взяв такую запись, прочитывает ее, либо, не читая, разрывает и, ни слова не говоря, читает разрешительную молитву. Таким образом он ставит себя в положение вершителя суда Божия. Помнит ли такой священник обращение к кающемуся, произнесенное им самим перед началом исповеди: «Се чадо, Христос невидимо стоит, приемля исповедание твое... Аз же точию свидетель есмь».

Знает ли он свое место при совершении Таинства Покаяния? Знает ли он, что является не судьей, а свидетелем и духовником? Человеку, дающему священнику написанный текст и говорящему при этом: «Прочитайте сами», следует объяснить, что грех исповедуется перед Богом, что самому священнику это знать неинтересно, а если и нужно, то только для свидетельства и для духовного совета, способствующего исцелению от болезни греха. Следует объяснить верующему, что исповедь – не отчет перед Богом, а тем более перед духовником о совершенных грехах, а запись – лишь памятка для самого исповедующегося. Не надо, гонясь за дешевой популярностью, рвать или сжигать запись исповеди, а наоборот, надо объяснить, что разрывание бумажки никакого sacramентального значения не имеет, а является если не суеверием, то фарисейством («согрешений моих рукописание раздери»). К сожалению, мы часто рассматриваем Таинства статически, а их следует рассматривать динамически. Надо объяснять верующим, что главное на исповеди – не слова, а осознание своей греховности, отпадения от Бога через грех, желание вернуться к Нему и не повторять ошибок прошлого. Следует сосредотачивать внимание не столько на прощении грехов, сколько на благодати для

борьбы с грехом, подаваемой в этом Таинстве, и на ответственности за получаемую благодать. Здесь уместно вспомнить притчу о талантах, процитировать слова из требника: «От сих отныне должен еси блюстися, понеже вторым крещением крещаетися».

В наши дни вседозволенности издано много брошюр типа «Чинопоследование исповеди», «Таинство Покаяния» и тому подобных. Многие изданы без нашего благословения, хотя на первой странице и напечатано: «По благословению Святейшего Патриарха Алексия». В них можно встретить вопросы духовника или образец исповеди во всех грехах, начиная от помыслов и оканчивая уголовными преступлениями. Один пример для иллюстрации качества некоторых из этих брошюр. Можно, например, встретить упоминание о таком грехе, неизвестно, правда, против какой заповеди: «Тратила много времени на ненужную стирку белья». И это предлагается для подготовки к исповеди мирскому человеку, женщине, хозяйке?! Что же – бездельничать и ходить в грязи, это будет христианский образ жизни? Не у всех ведь есть сегодня возможность приобрести импортные автоматические стиральные машины. Читал ли составитель этой брошюры слова Апостола Павла: *Кто о своих и особенно о домашних не*

печется, тот отрется от веры и хуже неверного (1 Тим. 5:8)?

Печально, что некоторые священники, в основном иеромонахи, считая исповедь по таким брошюрам углубленной и исчерпывающей, активно пользуются ими при совершении Таинства Покаяния без учета возраста, пола, положения человека в обществе. Можно себе представить, как чувствует себя невинная пятнадцатилетняя девочка, когда, называя вещи своими именами, ей задаются вопросы о содомском грехе и тому подобном, или порядочная семейная женщина, когда такого рода духовник начинает расспрашивать об интимных подробностях ее супружеских отношений. Причем это особенно характерно для младостарцев и монашествующего духовенства. Будет ли желание приступить к Таинству Покаяния еще раз у людей, прошедших такую генеральную исповедь? Думаю, что нет. Конечно, частично эти вопросы указаны в Требнике в обычном последовании о исповедании. Но там же сделана оговорка, что духовник должен задавать вопросы «со всяким разумным испытанием смотря различие лиц и потому испытание творя: инако бо духовна, инако людина, инако монаха, инако мирска, инако юна, инако старца».

Очевидно, для современного человека наиболее приемлемой является исповедь в порядке десятословия Моисеева в христианском истолковании, причем исповедующемуся должна принадлежать не пассивная, а активная роль, в первую очередь он сам должен исповедовать то, в чем его укоряет совесть, а вопросы при необходимости следует задавать дополнительно как напоминание кающемуся о чем-то забытом.

Иногда верующие не допускаются до Причастия без достаточных оснований. От Причастия отлучает лишь смертный грех или неподготовленность. Игумен одного из подмосковных ставропигиальных монастырей за два дня до праздника Рождества Христова не счел возможным допустить до Причастия молодую женщину только потому, что она скромно, в семейном кругу, не нарушая поста, встретила Новый год и выпила немного вина. На праздник Рождества Христова эта женщина осталась без Причастия Святых Христовых Таин. Этому игумену следовало бы перечитать великопостный Устав. Даже Великим постом в праздничные дни разрешается вино, начиная с первой субботы поста. Что же касается Рождественского поста, то наиболее строгая его часть начинается лишь со следующего дня, 2 января по новому стилю.

Сохраняется формализм и в подходе к Таинству Крещения. Во многих храмах в погоне за доходом сохраняется «конвейерный метод», когда первой, главной и последней частью подготовки к Крещению является оформление за свечным ящиком – уплата денег, а священник ставится в положение требоисполнителя. В каждом храме необходимо сделать так, чтобы священник имел хотя бы одну предварительную встречу с обращающимися по вопросу о Крещении.

Само же Крещение надлежит совершать в соответствии с правилами и традицией нашей Церкви, то есть через полное погружение. Недопустимо совершение его в малом количестве воды.

Стремящимся к большим доходам следует помнить, что предварительное наставление, катехизация, даже с откладыванием совершения Таинства Крещения может принести большой доход в будущем. Человек, принимающий Святое Крещение формально, больше в храм не придет. Человек, осознавший его значимость, станет постоянным прихожанином...

Определение Священного Синода Русской Православной Церкви

В заседании Священного Синода 28 декабря 1998 года под председательством Патриарха

Имели суждение: об участившихся в последнее время случаях злоупотребления некоторыми пастырями вверенной им от Бога властью «вязать и решить» (Мф. 18:18).

Справка: В последнее время участились случаи злоупотреблений в духовнической практике, негативно сказывающиеся на состоянии церковной жизни.

Некоторые священнослужители, получившие от Бога в Таинстве Священства право на духовное руководство паствой, считают, что такое право означает безраздельную власть над душами людей. Не памятуя о том, что отношения между духовником и духовными чадами должны строиться на основе взаимного уважения и доверия, такие пастыри переносят сугубо монашеское понятие беспрекословного подчинения послушника старцу на взаи-

моотношения между мирянином и его духовным отцом, вторгаются во внутренние вопросы личной и семейной жизни прихожан, подчиняют себе пасомых, забывая о богоданной свободе, к которой призваны все христиане (Гал. 5:13). Подобные недопустимые методы духовного руководства в некоторых случаях оборачиваются трагедией для пасомого, который свое несогласие с духовником переносит на Церковь. Такие люди покидают Православную Церковь и нередко становятся легкой добычей сектантов.

Некоторые духовники объявляют незаконным гражданский брак или требуют расторжения брака между супругами, прожившими много лет вместе, но в силу тех или иных обстоятельств не совершившими венчание в храме. Случается, что духовник настаивает на расторжении брака между супругами, когда один из супругов не принадлежит к православной вере. Иные монашествующие духовники запрещают своим духовным чадам вступление в брак и принуждают их к принятию монашества на том основании, что монашество якобы выше брака. Некоторые пастыри-духовники не допускают к причастию лиц, живущих в «невенчанном» браке, отождествляя таковой брак с блудом; запрещают своим духовным

чадам вступление во второй брак на том основании, что второй брак якобы осуждается Церковью; запрещают супружеским парам развод в том случае, когда в силу тех или иных обстоятельств семейная жизнь становится для супругов невозможной.

Имеют место случаи, когда пастырь «не благословляет» тому или иному из своих прихожан жениться или выйти замуж по любви, но предлагает «по послушанию» вступить в брак с лицом, рекомендованным самим пастырем.

Также имеют место случаи, когда пастырь запрещает пасомым обращаться за медицинской помощью, препятствует исполнению пасомыми своих гражданских обязанностей – участию в выборах, службе в вооруженных силах. Некоторые пастыри навязывают пасомым те или иные политические взгляды. Иные духовники считают учебу в светских учебных заведениях «ненужной» или вредной для спасения. Подобные требования не только нарушают право каждого христианина на принятие самостоятельных решений, но и входят в противоречие с действующим законодательством.

Участились случаи создания теми или иными пастырями таких церковных общин, в которых жизнь строится на авторитете самого пастыря, подкрепляемом негативным отношением к цер-

ковному Священноначалию, а также к другим пастырям и приходским общинам. Таковые пастыри забыли о том, что их задача – вести людей к Богу, а не группировать прихожан вокруг самих себя. В подобного рода приходах создается атмосфера собственной исключительности, несовместимая с духом соборности, на которой зиждется Православная Церковь.

Постановили:

1. Имея в виду участвовавшие жалобы мирян на канонически неоправданные действия отдельных пастырей, указать священникам, несущим духовническое служение, на недопустимость принуждения или склонения пасомых, вопреки их воле, к следующим действиям и решениям: принятию монашества; несению какого-либо церковного послушания; внесению каких-либо пожертвований; вступлению в брак; разводу или отказу от вступления в брак, за исключением случаев, когда брак невозможен по каноническим причинам; отказу от супружеской жизни в браке; отказу от воинского служения; отказу от участия в выборах или от исполнения иных гражданских обязанностей; отказу от получения медицинской помощи; отказу от получения образования; трудоустройству или перемене места работы; изменению местожительства.

2. Напомнить всем пастырям Русской Православной Церкви, несущим духовническое служение, о необходимости в духовнической практике строго следовать букве и духу Священного Писания и Священного Предания Православной Церкви, заветам Святых Отцов и каноническим установлениям, а также о недопустимости для православных пастырей вводить в духовническую практику какие-либо нравственные и иные требования, выходящие за рамки предписанного означенными установлениями, и по слову Спасителя, возлагать *на людей бремена неудобноносимые* (Лк. 11:46).

3. Напомнить всем пастырям-духовникам о том, что они призваны помогать своим пасомым советом и любовью, не нарушая при этом богоданную свободу каждого христианина. Подчеркнуть, что беспрекословное послушание, на котором основывается отношение послушника к старцу в монастырях, не может в полной мере применяться в приходской практике во взаимоотношениях между священником и его паствой. Особо указать на недопустимость для пастырей вмешиваться в вопросы, связанные с выбором жениха или невесты кем-либо из их пасомых, за исключением случаев, когда пасомые просят конкретного совета.

4. Подчеркнуть недопустимость негативно-го или высокомерного отношения к браку, напомнив всем священнослужителям правило 1-е Гангрского Собора: «Аще кто порицает брак и женою верною и благочестивою, с мужем своим совокупляющеюся, гнушается, или порицает оную, яка не могущую внити в Царствие, да будет под клятвою». Особо подчеркнуть, что принятие монашества является делом личного выбора христианина и не может совершиться «по послушанию» тому или иному духовнику.

5. Напомнить монашествующим о недопустимости, согласно правилу 21-му Гангрского Собора, «принимать подвижничество в повод гордости», «превозноситься над живущими просто» (то есть состоящими в браке) и «вопреки Писаниям и церковным правилам вводить новости». Правило 10-е того же Собора гласит: «Аще кто из девствующих ради Господа будет превозноситься над бракосочетавшимися, да будет под клятвою».

6. Настаивая на необходимости церковного брака, напомнить пастырям о том, что Православная Церковь с уважением относится к гражданскому браку, а также к такому браку, в котором лишь одна из сторон принадлежит к православно-й вере, в соответствии со словами святого апостола Павла: *Неверующий муж освяща-*

ется женою верующею, и жена неверующая освящается мужем верующим (1 Кор. 7:14).

7. Напомнить пастырям о том, что в своем отношении ко второму браку Православная Церковь руководствуется словами апостола Павла: *Соединен ли ты с женою? не ищи развода. Остался ли без жены? не ищи жены. Впрочем, если и женишься, не согрешишь; и если девица выйдет замуж, не согрешит... Жена связана законом, доколе жив муж ее; если же муж ее умрет, свободна выйти, за кого хочет, только в Господе (1 Кор. 7:27–28, 39).*

8. Напомнить пастырям о необходимости соблюдения особого целомудрия и особой пастырской осторожности при обсуждении с пасомыми вопросов, связанных с теми или иными аспектами их семейной жизни.

9. Особо указать на недопустимость для пастырей создания вокруг себя таких общин, в которых имеет место оппозиционное и критическое отношение как к высшему церковному руководству, так и к другим пастырям и приходским общинам.

10. Подчеркнуть недопустимость использования церковного амвона для проповеди тех или иных политических взглядов.

11. Призвать епархиальных Преосвященных обратить особое внимание на то, как пастыря-

ми вверенных им епархий осуществляется духовное окормление паствы. Усилить надзор за строгим соблюдением пастырями установлений и норм Православной Церкви, касающихся различных аспектов духовнической практики.

12. Призвать верующих Православной Церкви обращаться к своему правящему архиерею во всех случаях, когда пастырь-духовник предал высил данную ему Богом власть «вязать и решать». Напомнить православной пастве о том, что советы духовника не должны противоречить Священному Писанию, Священному Преданию, учению Святых Отцов и каноническим установлениям Православной Церкви; в случае же расхождения таковых советов с указанными установлениями предпочтение должно отдаваться последним. В связи с этим обратить внимание на слова преподобного Симеона Нового Богослова о том, как должны строиться отношения между духовным чадом и духовником: «Молитвами и слезами умоли Бога послать тебе бесстрастного и святого руководителя. Также и сам исследуй Божественные Писания, особенно же практические сочинения Святых Отцов, чтобы, сравнивая с ними то, чему учит тебя учитель и предстоятель, ты смог видеть это, как в зеркале, и сопоставлять, согласно с Божественными Писаниями прини-

мать внутрь и удерживать в мысли, а ложное и чуждое выявлять и отбрасывать, чтобы не прельститься. Ибо знай, что много в эти дни стало прельстителей и лжеучителей».

13. Епархиальным Преосвященным довести настоящее постановление до сведения священнослужителей, монашествующих и мирян Русской Православной Церкви.

Патриарх Московский и всея Руси АЛЕКСИЙ

Члены Священного Синода:

Митрополит Киевский и всея Украины

ВЛАДИМИР

Митрополит Санкт-Петербургский

и Ладожский ВЛАДИМИР

Патриарший Экзарх всея Беларуси,

Митрополит Минский и Слуцкий ФИЛАРЕТ

Митрополит Крутицкий и Коломенский

ЮВЕНАЛИЙ

Председатель Отдела внешних церковных

сношений, Митрополит Смоленский

и Калининградский КИРИЛЛ

Архиепископ Краснодарский и Новороссийский

ИСИДОР

Архиепископ Саратовский и Вольский

АЛЕКСАНДР

Епископ Витебский и Оршанский ДИМИТРИЙ

Епископ Саранский и Мордовский ВАРСОНОФИЙ

Епископ Читинский и Забайкальский

ИННОКЕНТИЙ

Епископ Мурманский и Мончегорский СИМОН

Управляющий делами Московской Патриархии,

Архиепископ Солнечногорский СЕРГИЙ

Митрополит Солнечногорский СЕРГИЙ

«Смысл духовничества – облегчить жизнь человека»

Игумен Иларион: *Ваше Высокопреосвященство, в последние годы много говорится о необходимости возрождения духовности, однако в это понятие вкладывают самый разный смысл. Как бы Вы определили понятие «духовность»?*

Митрополит Сергей: Сейчас модно говорить о духовности, особенно в светских кругах. Люди искусства говорят, что они вносят большую лепту в развитие духовности народа. Может быть, есть здесь доля правды, но именно доля, потому что духовность может достигаться, прежде всего, путем работы над собой. Мы имеем опыт такой духовной работы Святых Отцов, аскетов, подвижников, тех людей, которые отдали свою жизнь за Христа. Без этого опыта вряд ли можно было бы вообще говорить о духовности.

Мое определение понятия «духовность» может быть дано только с точки зрения традиции Русской Православной Церкви. Каждый человек,

вступая на путь духовной жизни, начинает понимать, что в Православной Церкви есть все для духовного совершенствования. Все таинства ведут к тому, чтобы человек стал духовным и сделал свою жизнь духоносной, чтобы истины Евангелия стали внутренним законом жизни человека, чтобы Евангелие стало источником, из которого человек черпал бы глаголы жизни вечной.

Достижению высот православной духовности способствуют многие вещи. Прежде всего, это молитва, это послушание, обязательное для каждого человека, где бы он ни трудился. При этом не обязательно быть монахом или священником, потому что послушание может быть не только духовному отцу, но и отцу семейства. Взаимная обязанность супругов, обязанности родителей по отношению к детям и детей к родителям – все это связано с послушанием. Без послушания ничего не достигается. Целомудренное поведение человека, соблюдение постов, которые ведут к духовному очищению, также служат стяжанию духовности. Наконец, если человек начинает изучать опыт святоотеческой духовности – творения Исаака Сирина, Ефрема Сирина, Игнатия Брянчанинова, беседу преподобного Серафима Саровского с Мотовиловым, то он постепенно осваивает уникальный опыт человечества по стяжанию подлинной ду-

ховности, которая делает его духовно богатым, наполняет жизнь человека смыслом. Когда человек идет по пути, указанному Святыми Отцами, происходит такое чудо: чем больше человек отдает, тем богаче он становится. В этом, я думаю, коренное отличие православной духовности от светской.

И.И. Владыко, в беседе с Мотовиловым, о которой Вы упомянули, преподобный Серафим говорит, что целью жизни христианина является стяжание Святого Духа Божия. Иными словами, духовность каждого христианина – это собственно причастность Святому Духу. Но давайте поговорим в широком плане о духовно-нравственном состоянии общества в целом. Как бы Вы его оценили? И в чем, на Ваш взгляд, заключается роль Церкви в духовном возрождении России?

М.С. Это вопрос довольно сложный, на него нельзя ответить однозначно. Говорить о бездуховности нашего народа не совсем верно. Я думаю, всех должно беспокоить состояние безразличия, покорности судьбе, безысходности, которое сейчас является доминирующим в нашем обществе. Жизнь часто ставит человека в тупик, а тупиковые ситуации со-

здаются не только в смысле материальном, но и в духовном.

Христос говорит: *Познаете истину, и истина сделает вас свободными.* И это действительно так. Истина Христова – истина вечная, это красный угольный камень, который должен быть положен и в основание личной жизни христианина и в основание общественной и государственной жизни. Если нет этого основания, то постепенно нарушается духовный баланс в жизни человека, что приводит к катастрофам, которые иногда заканчиваются даже самоубийством. И причина самоубийства – не бедность и не нищета.

Человек богатый, обеспеченный, так же, как и бедный, нередко кончает жизнь самоубийством. Он тоже не справляется с проблемами поставленными перед ним действительностью. Богатство не делает человека свободным от тех нравственных терзаний, которые влечет за собой состояние бездуховности. Я уверен, что наше общество исцелилось бы, если бы нам удалось возродить духовность в народе. А начинать надо с того, чтобы каждый человек занял активную позицию в жизни. Только истина Христова дает человеку возможность посмотреть на жизнь другими глазами и найти нравственную опору.

Мне действительно хотелось бы, чтобы наше общество возродилось нравственно, духовно. К

сожалению, то, что якобы делается в этом направлении через телевидение, литературу, искусство часто, наоборот, ведет к развращению человека. А если общество становится нравственно разложившимся, то оно готово принять на веру любую теорию, любую философию. Эта философия будет жить и процветать. Можно привести такой пример: после революции верующей России была предложена коммунистическая идеология, и вчерашние христиане Святой Руси вдруг стали гонителями христианства. Это ведь парадокс. В этом случае мы можем говорить о подмене духовности в нашей стране псевдодуховностью.

Я бы хотел еще раз подчеркнуть опасность состояния теплостудности, безразличия – человек должен быть активен, и мы призываем, чтобы он был активен в добре. Эта активность в добре должна быть плодом Святого Духа! Человек должен стремиться к нравственному совершенству, к святости, к деланию добрых дел, заботиться о том, чтобы ближнему было хорошо, должен хорошо работать на том месте, где он поставлен: будь то рабочий, крестьянин, президент, патриарх, священник. Все это укрепляет веру, наполняет внутреннюю жизнь человека духовным смыслом.

И.И. Вы упомянули тот критический момент в истории нашей страны, когда произошла подмена истинной духовности лжедуховностью, идеологией, навязанной народу. Сейчас мы переживаем другой критический момент, когда страна выходит из идеологического плена, встает на новый путь. Интересно, что о духовности, о духовном возрождении сейчас говорят не только люди, непосредственно связанные с духовной сферой, но также и те, кто в совсем недавнем прошлом являлись апологетами воинствующего атеизма, а сейчас столь же воинственно пропагандируют идеологию, в которой православие переплетено с националистическими, шовинистическими идеями. Не происходит ли в таких случаях подмена истинно православной духовности суррогатом?

М.С. Вы знаете, мы живем с вами в очень интересное время. Действительно, нас сейчас не заставляют вступать ни в какие партии, нас не преследуют за те или иные убеждения, мы живем в условиях свободы. Эта свобода предполагает и подразумевает, что мы можем ответить на вызов времени. Что будет с нашей Россией, с нашим обществом, каким мы его увидим? Это зависит от каждого из нас. Мы как православные люди конечно заинтересо-

ваны в том, чтобы каждый человек получил возможность узнать истину и узнал ее. Я как епископ Церкви прежде всего заинтересован в том, чтобы человек узнал о ценностях Православия, потому что, с моей точки зрения, это осуществление свободы совести каждого гражданина. Мы живем в конкретном геополитическом пространстве – в России, которая имеет свои духовные, культурные, политические, экономические корни. Чтобы понимать свою историю, чтобы взять оттуда что-то доброе, человек должен узнать хотя бы азы Православия. Необходимо познакомиться с Православием глубже, чтобы увидеть в нем не только лишь византийский блеск богослужения, который некоторых восторгает, а некоторых, наоборот, отвращает от Церкви, но чтобы действительно увидеть духовную сущность Православия.

Если человек усвоит основы Православия, то никакие партии, которые носят название православных, но на самом деле ничего общего с Православием не имеют, не собьют его с истинного пути. Я встречался с лидерами таких партий: они не имеют никакого понятия не то что о Православии – о Боге. Но поскольку это модно, они создают православные партии, или что-то в этом роде. Конечно, это недопустимо,

это безнравственно. Нравственный человек никогда не позволит себе спекулировать верой.

Коснемся такого понятия, как патриотизм. В России всегда, во все исторические периоды мы встречаем подлинный патриотизм. Но есть ведь и ложный патриотизм, проявляющий себя в уродливых формах шовинизма, антисемитизма. Россия никогда не была антисемитской страной.

Если вы посмотрите духовную литературу, например, труды Антония (Храповицкого), то увидите, что он очень много говорит об антисемитизме как о нездоровом явлении. Настоящие православные патриоты России никогда не позволяют себе оскорбить человека другой нации, другой веры. Мне всегда вспоминаются слова Достоевского о том, нравственно или безнравственно преследовать сектантов. Он говорит, что всегда задумывался над тем, как бы Христос ответил на этот вопрос, и всегда получал ответ, что Христос никогда не стал бы преследовать инакомыслящих.

Я уверен, что национализм, шовинизм, антисемитизм несовместимы с подлинным патриотизмом, с православным пониманием роли человека в обществе, в государстве. Церковь никогда не поддерживала этих маргинальных движений.

И.И. Вернемся к разговору о духовности. С понятием «духовность» в православной традиции тесно связано понятие духовничества. Каким качествам, на Ваш взгляд, должен отвечать духовник в современной России? В декабре прошлого года Святейший Патриарх в выступлении на епархиальном собрании резко критиковал некоторых священнослужителей за неправильный подход к духовничеству и к таинству исповеди. Вскоре после этого Священный Синод принял особое определение, посвященное злоупотреблениям в духовнической практике. Вы уже высказывались по поводу этого определения в «Независимой газете», отметив, что Священный Синод лишь напомнил о том, что всегда было учением Церкви и что должно быть известно каждому священнику. И все же, почему именно сейчас возникла необходимость в таком напоминании?

М.С. Я думаю, что возникновение проблем в области духовничества – это закономерное явление в жизни нашей Церкви и нашего общества. Сейчас открылось очень много новых общин, храмов, мужских и женских монастырей. Опытных священников не хватает, тогда как человек всегда хочет видеть в священнике именно опытного духовного отца, способного дать добрый совет, а не только требоисполнителя.

Возьмем в качестве примеров преподобных Сергия Радонежского, Серафима Саровского, оптинских старцев. Очень интересно, как они готовили себя к духовничеству. Преподобный Серафим молился 1000 дней и ночей в одиночестве на камне, преподобный Сергий ушел на гору Маковец, и только спустя несколько лет вокруг него стала собираться братия, преподобные оптинские старцы тоже сначала уходили в затвор, а потом уже начинали духовно кормить народ. Суть затвора в том, что это время человек полностью соединялся с Богом, он молился, размышлял о своей жизни, просил о прощении своих грехов, которые каждый из них имел как человек, живущий на земле. И только потом, когда они очищали свои души и становились жилищами Святого Духа, они выходили к народу, имея дар прозорливости и видения человека во всей его полноте. Только тогда они могли оценить человека и дать ему те или иные советы или епитимьи за грехи. Теперь этот духовный опыт, к сожалению, в значительной степени утерян.

Жизнь очень резко затребовала от нашей Церкви ответов на насущные вопросы. К сожалению, представители нового поколения священнослужителей, зачастую сами не разобравшись в своей душе, не наведя порядок в своей

жизни, берут за основу не совсем те принципы святости, которыми руководствовались великие подвижники Церкви. Считая себя очень опытными, такие священники привносят в церковь дух времени.

Святейший Патриарх постоянно подчеркивает опасность младостарчества. Это понятие связано не с возрастом священника, а с его неопытностью. Будучи духовно младенцем, человек начинает считать себя старцем и губить души, давая людям советы не только в духовной, но зачастую и в практической жизни. Между тем, вопросы, связанные с практической жизнью, часто вовсе не относятся к компетенции духовника. Только прозорливые старцы могли советовать в таких случаях. Преподобный Серафим, например, оставил у себя на несколько дней приехавшего к нему купца, у которого из-за промедления могла не состояться сделка. Но, как впоследствии выяснилось, тем самым спас его от смерти.

Есть у нас и сейчас хорошие духовники и прозорливые старцы, но их единицы. Каждому из нас надо подходить к вопросу духовничества со смирением, очень осторожно. Ведь чтобы целить больного, нужно самому быть здоровым, чтобы увидеть сучок в глазе брата, надо сначала вынуть бревно из собственного

глаза. Если священник с таким смирением будет подходить к вопросу духовного окормления, то тогда он сделает очень много хорошего и полезного. Если же вместо того, чтобы приводить людей к Богу, к Церкви, священник насаждает культ своей личности, то может случиться беда. Часто такой духовник считает себя выше епископа, по благословению которого он совершает все таинства.

Стала частой практика, когда священник принимает указы епископа, только посоветовавшись со своим духовником. Это показатель того, что в Церкви не все благополучно. Нужно очень много трудиться, чтобы исправить ситуацию. Во-первых, опытные духовники должны объяснять людям, которые кажутся себе святыми, что они находятся в состоянии духовной прелести. Я бы хотел, чтобы каждый из нас, каким бы святым или популярным проповедником или духовником он ни был, думал о себе как о человеке, который сам нуждается в исцелении грехов, в наставлениях, в советах. При этом мы постоянно подчеркиваем, что роль епископа в нашей Церкви несомненно выше, чем роль духовника. По всем спорным вопросам высшей инстанцией является не духовник, а епископ.

И.И. *А в какой степени духовник вообще полномочен требовать от своих духовных чад беспрекословного послушания?*

М.С. Нельзя смешивать понятия духовничества и старчества. В наше время очень хорошая древняя традиция, к сожалению, получила болезненное развитие. В Оптиной пустыни, в других известных монастырях существовала эта традиция. Насельник монастыря каждый день приходил к старцу и открывал ему все свои помыслы. Старец давал ему совет, потому что он как духовно опытный человек видел, к чему может привести тот или иной помысел.

Что же происходит сейчас? Молодые, а то и пожилые священники, искажая древнюю монастырскую практику, начинают заниматься духовничеством по своему произволу, требуют себе беспрекословного послушания. Сначала у них бывает достаточно много приверженцев, а потом они остаются одни, потому что народ видит, что странные советы, которые дает такой батюшка, часто идут вразрез с объективными обстоятельствами жизни человека. Ведь духовник очень многое может: он может консолидировать какие-то общественные силы, и наоборот; может создать, а может и разрушить семью.

Перед декабрьским постановлением было сделано заявление Синода, в котором подчеркивалась святость семейных отношений. Это делалось в связи с участвовавшими случаями ухода в монастырь супругов по распоряжению духовника. Это вещи недопустимые. Духовник не может или одному, или обоим супругам благословить уход в монастырь и требовать развода. Брак законен, признан обществом и Церковью, даже если и не освящен ею, на это хотел бы обратить особое внимание. Некоторые так называемые младостарцы требуют развода, если один из супругов не желает венчаться. Семья в таком случае распадается, все заканчивается трагедией. Иногда духовники требуют переезда из одного города в другой с продажей имущества, что также недопустимо.

К Церкви подобного рода вопросы никаких отношения не имеют, к духовному состоянию человека – тоже. Это сфера, которой духовник не должен заниматься. Он должен лечить духовные раны людей, исправлять все любовью, не отвращая от Христа, от Церкви. Человек должен увидеть всю глубину греховности своей жизни, но при этом не отчаиваться, а увидеть, что к нему протянута рука для спасения, что если он пойдет по тропе церковной жизни, то жизнь станет для него гораздо

легче и счастливее. Вот в чем смысл духовничества – облегчить жизнь человека, избавить его от греха, быть свидетелем покаяния и направить его на путь истинный, но не вмешиваться в семейную жизнь человека.

И.И. *В практике налицо повышенный интерес к различным аспектам семейной жизни. Одни, например, могут на исповеди начать спрашивать о деталях брачных взаимоотношений. Насколько правомочен духовник вмешиваться в такие вопросы? И что делать человеку, который, к своему несчастью, попал к такому духовнику, оказался на такой исповеди – исповеди, которую Святейший Патриарх справедливо назвал истязанием. Выходя от такой исповеди, человек не чувствует духовного очищения, он чувствует себя оплеванным, униженным. Многие даже покидают Церковь.*

М.С. Во-первых, не нужно покидать Церковь. Нужно пойти к опытному священнику и посоветоваться. Опытные духовники хорошо знают людей. Надо пойти к ним, все рассказать и постараться забыть о том моральном уроне, который нанесен таким лжедуховником. Конечно, не дело духовника копаться в интимной жизни кающегося грешника. Это настоль-

ко интимная и святая для человека тема, ч
ее вообще нельзя касаться. Человек, возмо
но, давно проклинаят себя за совершенные н
когда плотские грехи, а лжедуховник возбу
ждает в нем страсть и достигает обратного
человек опять впадает в тот же грех. Так
лжедуховников надо опасаться.

Если кто-то расспрашивает вас о подробн
стях вашей интимной жизни, то вам нужно ра
статься с таким духовником, потому что, м
жет быть, он психически нездоров, не видит н
носимого им духовного вреда, не видит цел
стности человека. Нужно каяться в грехе, а
в том, каким образом он совершен. Когда св
щенноначалие узнает о такого рода духовн
ках, то всегда пытается воздействовать на н
с тем, чтобы они одумались, отрезвились. Н
часто бывает и так, что излишне подробн
исповедь у определенной части людей вызыв
ет одобрение. Человеку иногда хочется вып
вориться, очиститься от греха, рассказав все д
мельчайших подробностей. Это ложное пре
ставление о грехе и о покаянии. Сам духовн
должен остановить человека, если он кается
чем-то слишком подробно.

И.И. А Вам как управляющему делами Мо
ковской Патриархии приходится разбирать ж

обы на подобного рода действия со стороны
духовников?

М.С. Да, конечно. Мы не раз восстанавли
вали семьи, прося епископа вмешаться в по
подобного рода ситуации, когда уходят в мона
стырь, оставляя детей или больных родствен
ников, или же, в ситуации, связанной с деятель
ностью лжедуховников. Слава Богу, все это
удается как-то улаживать.

И.И. То есть Вы подобного рода жалобы, как
правило, адресуете местному епископу?

М.С. Это компетенция местного епископа. Он
должен хорошо знать и следить за духовной жиз
нью не только на приходах, но и в монастырях.
Он должен знать, кто из духовников пользуется
популярностью, должен следить, какими сред
ствами он пользуется для лечения духовных чад.
Бывают вещи потрясающие. Не буду называть
конкретную епархию, но недавно поступило
письмо от жены одного священника. Она пока
лась на исповеди в каком-то грехе, это стало
известным гласности и обсуждалось в священ
нической среде этой епархии. Это недопустимо.
Тайна исповеди неприкосновенна: все, что гово
рит человек на исповеди, должно быть забыто

вместе с разрешительной молитвой и совершившим грех, и принявшим покаяние.

И.И. Приходится ли Вам, Владыко, разбирать такие ситуации, когда клирики какой-либо епархии оказываются в конфликте со своим епископом. Ведь у нас много говорилось о необходимости возрождения церковного суда, церковного судопроизводства у нас не существует. Что Вы делаете, например, с письмом, которое приходит на Ваше имя или на имя Святейшего Патриарха от клирика, который подвергся незаслуженному, с его точки зрения, наказанию или прещению от епископа? Вы рассматриваете это письмо лично, или представляете на суд Патриарха, или переадресовываете обратно епархиальному архиерею, или же создаете специальную комиссию по расследованию

М.С. Это зависит от содержания жалобы. Если жалоба серьезная, то, конечно, Святейший Патриарх ее рассматривает сам. Если же жалоба не очень серьезная, то я лично чувствую, что вопрос можно уладить самым простым образом. Так как Патриарх очень занят и всего охватить не может, то я ему докладываю суть вопроса и испрашиваю его благословения на то, чтобы решить этот вопрос лично. Потом я, как правило, звоню епархиальному архиерею и та-

между прочим, спрашиваю о конкретном приходе. Он дает мне какую-то справку.

Часто епископ оказывается прав. Это не потому что мы защищаем епископов. Но нередко бывает так, что священник, переведенный епископом на другой приход, обращается к Патриарху или в Синод, чернит епископа, представляя себя святым, а потом выясняется, что у него одежда темноватого цвета. Жаль, что епископ в таком случае не всегда решает приехать в общину и рассказать обо всем откровенно, побеседовать с прихожанами, объяснить, каким был тот или иной священник и что побудило епископа перевести его на другой приход.

Сейчас бывают разные искушения. Священник, которому нужно восстанавливать храм, подчас становится добычей нечестных, недостойных людей. Иногда криминальные структуры проявляют интерес к его деятельности, и он начинает использовать их для святого дела. Мы должны твердо знать, что такое понятие, как «деньги не пахнут», для Церкви не подходит. Лучше год-два повременить, но чтобы все было хорошо и по справедливости, чем прибегать к помощи криминальных структур.

Таким образом, разные бывают случаи. Когда на епископа поступают коллективные жалобы, тогда выезжает комиссия, которая изу-

вместе с разрешительной мол-
 шим грех, и принявшим

И.И. Прихо-
 рать такие
 епархию
 ер-

бл.
 ду нас.
 частности,
 ском определени

каж существующей
 разования. Ведь именно там, в духовных семина-
 риях и академиях, будущие пастыри получают
 то мировоззрение, которое потом несут в мас-
 сы. Каковы, на Ваш взгляд, основные недостатк
 нынешней системы духовного образования, и ка
 кие меры необходимы для их устранения в кон
 тексте предполагаемой реформы духовных школ

М.С. На этот вопрос не так легко ответить
 На мой взгляд, сейчас духовные школы не от
 вечают запросам жизни. Приходят совершенно
 разные люди, с разными убеждениями и обра-

реч-
 образованием. У нас не продумано, как их всех во-
 пот-
 лечь в процесс образования, чтобы всем было
 . вмес-
 интересно учиться – и молодым людям, кото-
 ссия пр-
 орые с молоком матери впитали Православие,
 .оклады-
 и тем, которые пришли ко Христу совсем не-
 ривает эт-
 давно, желая стать священнослужителями, но
 , степени в-
 не представляют себе сложностей образователь-
 ного процесса в духовных школах. Им часто
 становится скучно и неинтересно.

ка приходится п-
 верное, многие пр-
 моотношения меж-
 ами в наших храмах,
 бх говорилось в декабре
 ла, коренятся в недоста-
 тине системы духовного об-
 лось. В свое время нам хотелось что-то изу-
 чать, но нам не давали, говоря, что слишком
 образованные священники не нужны. А сейчас
 есть все возможности повысить уровень духов-
 ного образования. Мне кажется, есть некото-
 рая косность в том, что духовная школа не
 может быстро перестроиться и ввести те дис-
 циплины, те программы, которые отвечали бы
 запросам всех учащихся. Если бы предмет пре-
 подавался на соответствующем уровне, то его
 было бы интересно изучать. Я помню, когда я
 учился в академии, запрещали изучать новей-

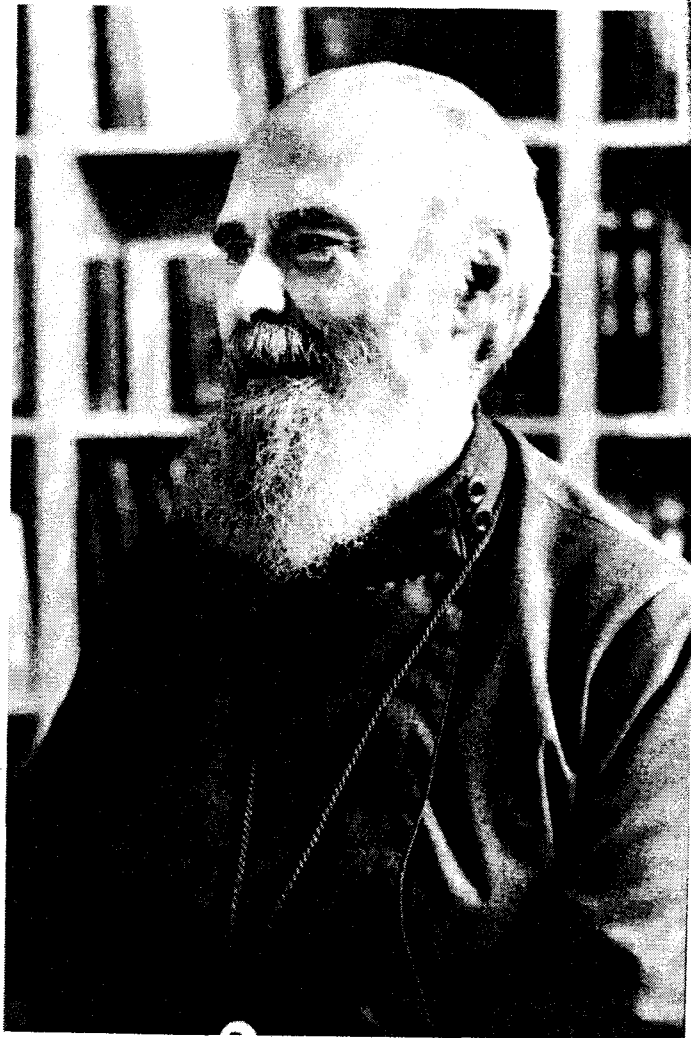
шую историю Католической Церкви, и даже Православных Церквей. Это изучалось только в аспирантуре, а сейчас изучается в семинарии.

У меня есть пожелание к нынешним духовным школам. Мне хотелось бы, чтобы преподаватели, профессора наших духовных школ совместно работали над будущим нашей богословской науки, которая должна развиваться. Эта мысль должна работать, должна пробиваться, должен найтись ученый, который бы ее воспринял, развил, тем самым обогатив нашу духовность. Нужно изучать таких наших философов, как, например, отец Сергей Булгаков. Вот та богословская традиция, которая должна быть продолжена.

И.И. Вы имеете в виду традицию русской богословской школы, которая продолжалась в эмиграции, в частности, в Свято-Сергиевском институте в Париже?

М.С. Да, в Париже в свое время были сосредоточены мощные богословские силы. Я не говорю о современном Свято-Сергиевском институте, а о 30–50-х годах, о богословах, труды которых можно и нужно сейчас свободно изучать. Когда я учился, для нас они были недоступны. Только когда я выехал на работу за

границу и столкнулся с этим богословским наследием, я смог оценить его по достоинству. Труды парижской школы – это, с моей точки зрения, развитие принципов нашей дореволюционной русской богословской школы. Это очень хороший пример, который должен быть нами воспринят. Очень интересно, что после революции, когда здесь, в России, все рушилось, там мы обнаруживаем всплеск богословской мысли. Я желаю, чтобы наши духовные школы начали жить столь же активной духовной жизнью.

Митрополит Суражский АНТОНИЙ

**«Берегитесь, братья мои,
священники!»**

Игумен Иларион: *Владыко, как Вы оцениваете определение Священного Синода от 29 декабря 1998 года, посвященное «участившимся случаям злоупотреблений в духовнической практике, негативно сказывающимся на состоянии церковной жизни?»*

Митрополит Антоний: Значение этого документа трудно переоценить. Давно пора было такой документ написать. И главное, недостаточно удовольствоваться просто призывом к людям безответственным, или греховно настроенным, или обезумевшим от своего «величия», связанного с саном, – надо принимать какие-то меры. Это определение совершенно справедливое и нужное, но я думаю, что за ним должны бы следовать действия. Духовники, которые своими поступками разрушают церковную жизнь, разрушают человеческие души или вносят соблазн в среду своих духовных чад, должны бы подвергнуться строгим дисциплинарным

мерам. Некоторых следовало бы просто лишить права исповедовать, оставив за ними только право совершать Божественную Литургию; никакого духовного руководства они не должны никому предлагать. В случае же нарушения такого правила они должны быть окончательно запрещены в служении, потому что здесь речь идет не о том, как духовник ведет свою работу, а о том, как он строит или разрушает чужие души.

Поэтому определение Синода своевременное и очень важно, хотя оно могло быть и более резким, но за ним должны следовать дисциплинарные меры по отношению ко всякому священнику или епископу, который разрушает человеческие души, — каков бы ни был его уровень или сан. Речь не идет о том, чтобы он разрушал Церковь как таковую. Церковь — купина неопалимая, никто ее пламени не погасит; но люди могут погибнуть от таких духовников.

И.И. Определение Синода в церковных кругах окрестили «определением по младостарчеству». Хорошо известны Ваши высказывания об этом явлении. Какой смысл вкладываете Вы в это понятие? Имеется ли в виду молодой возраст или духовная незрелость пусть даже и весьма по

жизлого священнослужителя, претендующего на роль старца?

М.А. Конечно, речь не идет о том, чтобы различать между молодыми и старыми безумцами. Речь идет здесь о том, чтобы по возможности оценить духовную зрелость человека, его способность быть руководителем для человека. Старец — это не просто человек, который долго занимался пастырской работой и приобрел какой-то навык или опытность; старец в настоящем смысле — это нечто иное, это благодатное состояние. Старцев не «выделяют», старцы силой Святого Духа рождаются; и если говорить о том, что характеризует старца, то я скажу коротко и о том, каково место старчества по отношению к обычному священству.

Мне кажется, что есть в духовничестве три степени. Есть приходской священник, роль которого — совершать таинства Церкви. Он может не быть хорошим проповедником, он может не давать никаких советов на исповеди, он может ничем не проявлять себя в пастырском отношении. Достаточно того, что он совершает Божественную литургию, если только он помнит, что чудо Божественной литургии или других таинств совершается Господом. В Ли-

тургии ясно нам указано, что Христос является единственным Тайносовершителем и что только Дух Святой – та Божественная сила, которая может из обыкновенного хлеба и вина сотворить Тело и Кровь Христовы. Это над помнить нам, священникам. Мы произносим слова, но действие совершается Христом и Святым Духом.

Мне вспоминается один молодой священник, который как-то, приступая к Литургии, вдруг почувствовал, что он не в состоянии совершить это таинство, что ему слишком страшно, что он *не может* его совершить. Он сказал: «Господи, что мне делать?!» И в тот же момент почувствовал, как между ним и престолом Кто-то встал, так что ему пришлось отступить назад. И в течение всей Литургии он произносил слова, которые предписано священнику произносить, и знал, что Совершитель литургии – Сам Христос, Который стоял между престолом и им. Это должен бы если не испытать (потому что это чудо, которое не всякому дано), то по крайней мере понимать каждый священник. В молитве на Литургии священник говорит Христу: «Ты бо еси приносяй и приносимый, и приемляй и раздаваемый, Христе Боже наш». Поэтому любой священник, если он благоговейный, чистый в своей жизни, если он устрем-

лен к совершению своего христианского подвига и священнического служения, приемлем и может быть принят Церковью и людьми.

Но это не значит, что ему дано право или возможность руководить другими людьми. Рукоположение не дает человеку ни ума, ни учености, ни опытности, ни духовного возраста. Оно дает ему страшное право стоять перед престолом Божиим там, где только Христос имеет право стоять. Он в каком-то смысле икона, но он не должен воображать, будто он святыня. Я вспоминаю, как в Московской духовной академии, после моей беседы о священстве, один студент спросил: «Как же совместить то, что вы сказали о человеческой слабости священника, с тем, что нам говорят, что священник – это икона?» Я ему ответил (может быть, слишком резко): «А ты знаешь, что такое икона? Это доска с красками и линиями. И пока эта доска не освящена, она просто дерево и краски. Но даже после того как она освящена, она делается святыней для того, кто стоит перед ней, тем, что она включена в тайну церковной святости. И человек в ней может видеть икону в полном смысле слова, если только сумеет не линии и краски видеть, а через них, как перед прозрачным стеклом, стоять перед ликом Христа Спасителя, Божией Матери». Это очень

важно нам помнить: что икона в каком-то смысле должна стать для нас прозрачной, мы должны научиться стоять перед иконой и уметь не икону видеть, а сознавать присутствие Спасителя. Святой Иоанн Златоуст говорит в одном из своих писаний, что, когда ты хочешь помолиться, стань перед иконой, закрой глаза и молись Богу... Казалось бы, почему *стань перед иконой* для того, чтобы закрыть глаза? Потому что только глазами веры, глазами души можем войти в общение *сквозь* икону, даже не «через», а *сквозь* икону, со Христом, с Божией Матерью, со святыми, которые изображены на ней.

И вот молодой священник должен помнить, что да, он икона, но он только тогда станет в полном смысле иконой, а не намалеванной доской, когда благодатью Святого Духа *через* него будет светиться свет Христов, когда люди, глядя на него, уже не будут его видеть, а будут *сквозь* него видеть Христа. Есть место в писаниях старца Силуана: он однажды смотрел, как исповедовал один из духовников Афонского монастыря, старик с длинной бородой и седыми волосами. И когда он молился над исповедующимся, Силуан вдруг его увидел как сияющего юношу, как Христа. Этот человек превратился в полном смысле

слова в икону – на то время, которое было посвящено тайнодействию, совершаемому Христом и Духом Святым.

Это положение простого, нормального приходского священника. Сверх совершения таинств, он может говорить проповеди. Он может, с одной стороны, учиться у древних или у современных проповедников; он может, если он честен и не старается казаться людям больше, чем он есть, совершенно откровенно и искренне делиться с ними тем, что у него на душе, – не лирической болтовней, а тем, что ему было дано пережить, когда он читал Евангелие.

Я могу рассказать позорный случай из моей жизни о том, как я читал Евангелие на Литургии и чувствовал, что читаю эти слова, их понимаю, но до души моей они сейчас не доходят, они, как об стену, ударяются и отскакивают. Я подумал: как же я могу сказать проповедь?.. И когда пришло время для проповеди, я вышел и сказал примерно следующее: «Вот что со мной сегодня случилось. Я читал вслух Евангелие. Спаситель Христос со мной лично говорил, Он обращался ко мне со Своим словом, а единственное, что я мог Ему ответить, это: Твои слова до меня не доходят, они сегодня для меня пустой звук... Какой ужас!.. Но по-

думайте сами о себе (сказал я прихожанам когда читается Евангелие в церкви или когда вы его читаете дома, можете ли вы сказать, что каждый раз слова евангельские, слова, которые Спаситель Христос обращает лично к вам, ударяют в вашу душу, потрясают ее до глубины, зажигают в ней какой-то свет, новую жизнь вам дают? А если нет, то вы оказываетесь в том положении, в котором оказался я, только мое положение более страшное, потому что Христос меня поставил возвещать вам истину Его, а я сегодня не смог Его слов услышать. Простите меня, помолитесь обо мне и подумайте о себе. Аминь!» Вот проповедь, которую я тогда сказал, которая была правдой, искренностью; и я думаю, что люди были этим, с одной стороны, потрясены, а с другой стороны — чему-то научены. Я мог бы от ума, от какой-то небольшой начитанности им дать комментарий на этот отрывок Евангелия, но это было бы неправдой, это был бы «кимвал звучащий». Поэтому я думаю, что и молодой священник может делиться своим. Если он скажет то, что сам пережил во время чтения Евангелия, если он глубоко это воспринял, как бы ни были просты его слова, они дойдут.

Есть другая степень. Это священник опынее или старше, который более научен и при-

зван давать наставления другому человеку о том, как идти от земли на небо. И этот священник должен быть предельно осторожен. Знаете, когда вы уходите в горы, вы выбираете себе проводника, который ходил туда, куда вы хотите прийти, и живым вернулся оттуда, а не погиб на пути. Вот таков должен быть духовник в полном смысле этого слова. Он не должен говорить того, чего он опытно не пережил или чего он как-то своим нутром не знает. Мы приходим к духовнику с тем, чтобы встретить проводника до дверей Царства Божия. Но если он сам там не бывал, он нам ничего не может дать. Об этом должен задумываться каждый духовник, каждый священник, к которому приходят люди на исповедь. Можно ли сказать, что каждый священник имеет в себе способность каждому человеку сказать то, что ему нужно? Нет. Бывает так, что исповедующий священник или просто священник, к которому пришел человек на духовную беседу, слышит его, понимает то, что говорится, но ответа у него нет. В таком случае священник должен быть честен и сказать своему духовному чаду: «Все, что ты мне сказал, я понимаю, но ответа у меня для тебя нет. Я буду молиться о тебе. И ты молись, попроси Бога о том, чтобы Он мне простил то, что по-

своей неопытности я не могу тебе и Ему послужить в этой встрече, но я тебе не могу сказать ничего». Я часто вспоминаю рассказ из жизни святого Амвросия Оптинского о том, как он отказался дать *от ума* ответ на духовные нужды двух людей, потому что на его молитву о просветлении Божия Матерь не отвечала.

Порой бывает иначе: ты слышишь беседу исповедь или разговор, который с тобой ведет верующий, и у тебя нет такого ответа, который был бы только для него, как мы видим в Евангелии: Христос дает ответ одному человеку, а слушают разные люди. Одни воспринимают, потому что они на уровне того человека; другие не воспринимают, потому что им это все чуждо, качают головой и говорят друг другу: о чем же Он говорит? что за непонятные объяснения Он дает на непонятный вопрос?.. И вот бывает так, что мы слышим и понимаем, но у нас в опыте нет ответа, и озарением Святого Духа мы тоже не можем дать ответ, который шел бы прямо от Бога. Тогда мы можем сказать исповедующемуся: «У меня нет ответа, который обращен к тебе лично, но я тебе могу сказать, что в Евангелии или у Отцов я вычитал, что, как мне кажется, относится к тому, что ты говоришь», и проци-

тировать слова Христа, слова того или иного святого.

Я помню один случай, который меня потряс. К нам в маленький храм в Париже ходил один священник, который не служил никогда, потому что он тяжело пьянствовал. Он приходил в храм с глубоким покаянием, с сердцем сокрушенным, и я его ставил в угол и становился перед ним с тем, чтобы, если он упадет, он упал бы на меня и никто этого не заметил. А потом, в какой-то момент во время немецкой оккупации, нашего приходского священника арестовали, и заменил его тот священник, который обычно не мог служить, потому что не был трезв. Тут он опомнился и стал служить; и служил со слезами, с глубиной, которая потрясала наши души. Я раз к нему пришел на исповедь, открыл ему свою душу, и он стоял рядом со мной и надо мною плакал – не пьяными слезами, а плакал слезами сострадания и понимания. Когда я кончил свою исповедь, он мне сказал: «Ты знаешь, что я за человек; я недостоин ни слышать твою исповедь, ни давать тебе совет. Но ты молод, у тебя вся жизнь впереди, опомнись, не стань, каким я стал, и для этого я тебе скажу, что Христос тебе сказал бы в Евангелии...» И он мне процитировал несколько слов Спасителя Христа. Это

была одна из самых потрясающих исповеданий, которые я пережил. Этот человек дошел до дна в своем покаянии и из этих глубин мог родить во мне покаяние, мог дать совет, – совет, вышедший из его собственной трагической жизни, освященный словами и учением Христа. Это второй пример того, как можно исповедовать

А есть еще третий уровень. Это старчество – уровень тех людей, которые, говоря образно, почти всю дорогу прошли до дверей Царства Небесного, может быть, не вошли в него, а может, допущены были в него, но были посланы обратно на землю, к нам, чтобы нас вести к этому Царству. Вот это *старец*. Это человек, который весь путь прошел до глубин своей души, дошел до того места, где запечатлен образ Божий в нем, и который может говорить из этих глубин.

Но старцем самого себя не сделаешь, и, если можно так выразиться, старцами не рождаются. Это люди, которых коснется благодать Святого Духа и которые отзовутся на нее и будут верными, верными тому, чему учит нас Христос, и верными тому, что говорит Дух Святой в их душах. Старцы – явление редкое. И когда речь идет о старчестве, о священстве, о «младостарчестве», мы должны помнить, что речь не идет о возрасте телесном, о том, седая ли у

тебя борода или еще русые локоны, а о том, до какой глубины тебя увлек Святой Дух, чему ты научился и что ты можешь сказать. Причем старец не обязательно будет давать приказания, он может давать советы, он может давать указания, но должен хранить, беречь нашу свободу, потому что Бог не ищет себе рабов, а ищет Себе детей, братьев, сестер: «Я не называю вас больше рабами, потому что раб не знает воли господина своего, а Я вам все сказал...» Это духовник должен помнить.

И поэтому каждый из нас, идущих по пути священства, должен постоянно ставить перед собой вопрос: где я стою? являюсь я просто священником – честным, добротным совершителем таинств, способным сказать доброе слово на проповеди, или являюсь человеком с большим опытом, который может поделиться уже и собственным опытом и тем, что узнал от других людей? или в данную минуту – обязательно все время, но в данную минуту – Дух Святой мне говорит: «Этому человеку скажи то-то?»

Я знаю такие случаи в жизни духовников нашего времени, когда человек исповедовался, духовник молился, слушал его исповедь и потом вместо ответа на то, о чем говорил исповедующийся, ему давал ответ на несказан-

ное, на то, что ему Дух Святой открыл о человеке, – не о каких-то особенных грехах, а тайне его души. Я это знаю из опыта нескольких людей, которые так приходили на исповедь, принося честное покаяние во всем том, что они знали о себе, и которым духовник отвечал на то, чего они о себе еще не знали. Поэтому искать старчества не надо, надо искать того, чтобы быть добросовестным советником и свидетелем таинств и человеком, который готов поделиться своей душой с исповедующимся или с приходящим к нему за советом, причастием не красуясь, а просто делясь, как мы делимся с другом.

Надо еще помнить, что на исповеди священник – не судья. В коротком обращении, которое священник произносит в начале исповеди, говорится: «Не усрамясь передо мной, я только свидетель, ты говоришь со Христом»...

Но почему нужен свидетель? Чтобы ответить на этот вопрос, надо выяснить значение слова «свидетель». У этого слова по крайней мере три значения. Представьте себе: вы идете по улице и вдруг видите драку. Подходит полиция и спрашивает: «Что вы видели?» Вам совершенно все равно, кто прав, кто виноват, вы просто говорите полицейскому то, что видели. Вы не защищаете одного, не клеймите другого, вы

только описываете то, что видели ваши глаза или слышали ваши уши.

Есть другое состояние свидетеля – на суде свидетель *за* подсудимого или *против* него: он сделал выбор.

Но есть и свидетель совершенно иного рода – это тот самый близкий нам человек, которого мы приглашаем быть свидетелем на нашем браке, свидетелем при самых таинственных и таинственных случаях нашей жизни, свидетель, которого мы хотим иметь с собой, когда самое дивное или самое страшное совершается с нами. Вот таковым является священник. Он – как друг жениха, который приводит жениха к невесте или невесту к жениху. Он *друг Жениха* в том смысле, что он присутствует на тайне встречи Бога и кающегося человека. Это самое дивное, что можно себе представить. Бог его приглашает присутствовать при этой глубокой встрече, при этом браке живой души с Живым Богом. И с каким же чувством должен стоять священник! Как он должен понимать, что он только свидетель, – не в том смысле, что он сторонний человек, которому дано видеть что-то, но что он приглашен участвовать в этой тайне брачной встречи... И раз так, то он должен понимать, что встреча происходит между Спасителем и кающимся, что сам он,

друг Жениха, приводит кающегося, как невесту, и стоит в изумлении, в благоговении перед этой тайной. Если бы самый неопытный священник так относился к исповеди, то он был бы уже тайносовершителем; а старец только тогда старец, когда он именно так может относиться к человеку – и на исповеди и вне исповеди при всякой встрече.

Я старался ответить на вопрос о том, чем отличается старец от обыкновенного духовника, и так мне хотелось бы сказать громко, на всю Русь: *Берегитесь*, братья мои, священники! Берегитесь, не принимайте на себя роль, которая не соответствует вашему духовному возрасту, будьте просты! Будьте просто священниками – это уже так много! Человек, который силой благодати Святого Духа может совершить Литургию, может окрестить ребенка, может помазать миром, это не мало, это нечто столь великое!

И надо всегда в этом отношении искать смирения. Не в том смысле, что – «ах, я ничто, я не достоин»... Это все слова; а смирение заключается в том, чтобы смотреть на то, что совершается между Богом и человеком, и понимать, что ты тут ни при чем, что ты не можешь этого создать, что ты не можешь этого сделать и что тебе только дано в трепете, в

ужасе, в благоговении присутствовать при этом чуде. Вот здесь начинается, только *начинается* смирение священника. Что такое смирение – мы не знаем. Те, кто им обладает, его не определяют, а те, у кого его нет, путают смирение с другими переживаниями. Смирение – это такая открытость Богу, такое изумление, такое умиление... И вот если священник в себе воспитывает по отношению не только к Богу, но к каждому человеку, который приходит к нему, такое состояние, то он может стать духовником. Потому что тогда он о себе и помнить не будет, поскольку весь охвачен благоговейным трепетом, любовью, ужасом, ликованием, и во всем этом нет никакого места для того, чтобы он о себе вспомнил; нет уже места ни тщеславию, ни гордыне, ни учености, ничему. Ибо это – тайна любви.

И.И. Давайте обратимся к конкретным случаям, упомянутым в определении Синода от декабря 1998 года. Нередко случается такое: духовник внушает своему духовному чаду, что монашество выше брака, и фактически принуждает его к постригу. В подобной ситуации иногда оказываются выпускники духовных школ, перед которыми стоит выбор: либо вступить в брак, либо стать монахами. Будучи не

в силах принять собственное решение, они едут за советом к старцу, и тот говорит им что-то вроде: «Монашество – твой путь; благословляю на постриг».

М.А. Мне кажется, что такое положение настолько уродливо и возмутительно, что надо принимать самые строгие меры к тому, чтобы такое не могло случиться. Потому что и монашество, и брак требуют свободы и зрелости. Свобода, по определению Хомякова, это состояние, когда человек является полностью самим собой; не жалким изображением того, что он думает о себе или чем – ему кажется – он должен бы быть, а в полном смысле самим собой. Поэтому если человек не знает, принимать ли ему монашество или идти на брак, это значит, что он ни к тому, ни к другому не готов, ни для того, ни для другого не созрел. Я понимаю, что из практических соображений академия и семинария хотят, чтобы выпускники поскорее делались священниками, и поэтому наталкивают их на монашество или на брак. Я помню один случай, когда духовник поставил молодому выпускнику ультиматум: в течение одной недели найти себе невесту и жениться, потому что он хочет представить его к рукоположению. Это ужас,

это преступление. Человеку надо дать время и возможность созреть.

Кроме того, это преступление против невесты и против самого молодого человека, который станет священником, потому что на брак надо идти с глубокой подготовкой. Связывать жениха и невесту должна глубокая любовь, благоговейная любовь, такая любовь, которая человеку говорит, что он всю жизнь готов отдать на то, чтобы жить с этим человеком, что в этом его радость, но тоже его *восполнение*. В идеале в брак надо вступать тогда, когда мы можем сказать, как Адам сказал о Еве: *Это кость от костей моих и плоть от плоти моей*, это «другое я», alter ego, и так же может невеста посмотреть на жениха. Один из древних отцов говорит: изначально Адам и Ева были одно, едины; и только после падения, когда разбилась чета, один стал ego, а другой alter: кто-то стал «я», а кто-то «он» (или «она»). И надо учить будущих священников тому, что такое брак: что он не ниже монашества, что это таинственный путь, что это образ Христа и Церкви, что это в пределах падшего мира как бы восстановление райского единства постольку, поскольку оно может быть осуществлено в том мире, в котором мы живем. А сказать человеку: «Женись, найди себе невесту,

потому что ты мне священником нужен» – это преступление.

То же самое можно сказать и о монашестве. Множество молодых людей, которые принимают монашество для того, чтобы стать священниками, монахами не делаются; они делаются незрелыми безбрачниками. Они безбрачны, потому что брак не совершился, потому что они не созрели для любви или не созрели для того чтобы сказать: да, я ее люблю, люблю глубоко, люблю чисто, люблю так, что могу перед Богом стоять с ней; но я хочу быть *только* с Богом. В этом падшем мире я не могу по своей слабости, по своей сломанности разделиться. Нет, я хочу быть только с Богом. Но для этого надо созреть.

Всякий юноша в какой-то момент своей жизни может это сказать по неведению, по непониманию, потому что он еще не знает, что значит кого-то полюбить. И надо требовать долгой подготовки для монашества, не формальной подготовки, не дрессировки, а созревания: может ли этот человек жить с Богом, и только с Богом, и изнутри этого общения с Богом совершать свое дело, или нет?.. С практической точки зрения это значит, что многие студенты не будут рукоположены по окончании курса, но они в свое время вырастут в

полную меру своего человечества. А иначе слишком часто священники, монахи ли они или женаты, остаются недорослями, благочестивыми, чистыми жизнью, но недорослями в том смысле, что в них две-три струнки звучат, а не весь орган.

Я употребляю этот пример, потому что мне вспоминается один замечательный дьякон, замечательный он был именно по своему духовному свойству. Он родился до революции в нищенской деревне; пяти лет его отдали в монастырь, потому что нечем было кормить дома, и с тех пор до 85-летнего возраста он каждый день участвовал во всех службах. Както я с ним на клиросе был. Он пел старческим разбитым голосом, а я читал часть богослужения. И он пел и читал с такой искрометной быстротой, что я не мог даже глазами уследить по книге, что он читает. И когда он кончил, я ему сказал: «Отче, сегодня вы у меня украли всю службу своим быстрым чтением и пением; а что хуже – вы ее, наверное, украли у себя, потому что вы не могли следить за словами, которые вы произносите с такой быстротой». Он расплакался: «Прости меня! Прости меня! Я не подумал о тебе. Но знаешь, я эти песнопения и слова с пятилетнего возраста повторяю каждый день, и теперь мне

достаточно взглянуть на книгу, я узнаю слово, и тут словно божественная рука касается струн в моей душе, и вся моя душа, как арфа, поет. Я могу переходить глазами от слова к слову, потому что они запечатлелись в моей душе так, что они поют сами без того, чтобы я в этом участвовал». Как мне было стыдно!.. И как важно, чтобы, когда мы готовим священника, мы его готовили к тому, чтобы он *так* мог принимать участие в богослужении, чтобы он *так* мог относиться к людям, которые вокруг него, слова которых, личность которых, покаяние которых, счастье которых должно бы в священнике родить вот это чудо поющей арфы. Но для этого нужна зрелость. И тут, конечно, практическая проблема для духовной школы. Я не хочу сказать, что мы можем рукополагать только людей, дошедших до полной зрелости. Но мы не можем принуждать людей вступать в путь, о котором они никакого понятия не имеют.

А молодых людей и девушек надо учить тому, чтобы они ходили за советом, но не за указкой, чтобы они пошли к человеку, в котором видят опытность, глубину, с кем они могут поговорить, кому они могут открыть свою душу, чтобы он им помог разобраться в себе самих. Но не к человеку, который с высоты

своей гордыни или слепоты им даст приказ, за который *они* будут расплачиваться в течение всей своей жизни. Да, если считать, что и несовершенный или уродливый брак является как бы мученичеством, который ты несешь ради Христа, можно так повернуть вопрос. Но нам нужны люди расцветшие, люди живые до глубин, которые могут в других родить *жизнь*; и *это* – роль священника и роль монаха. Но священник и монах могут это сделать, только если они сами живы, а не являются окаменелостью, мертвым уставом.

Хочу прибавить еще нечто по поводу положения, когда духовник внушает своему духовному чаду, что монашество выше брака, и фактически принуждает его к постригу. Надо было очень вдумчиво разобрать этот вопрос. Вдумчиво, потому что идеальное монашество и реальный брак, конечно, несравнимы друг с другом. Человек, который принимает монашество, потому что вся его душа, вся его жизнь, и ум, и тело, и воля принадлежат Единому Богу, и только Ему, конечно, выбирает *путь совершенный*. Но когда мы говорим о монашестве, каким мы его видим на самом деле: множество монахов, которые собираются в монастырях, живут благочестивой и чистой жизнью, борются за спасение души, это еще не значит,

что они достигли того единства с Богом, которое выше всякого такого единства, которое рождается посредством земной любви, — не привязанности, а именно любви.

В этом отношении есть замечательный отрывок в жизни святого Макария Великого. Он молился о том, чтобы ему было открыто, есть ли кто-нибудь, кто его может научить большему совершенству, чем то, которому он научился в пустыне. Ему было велено пойти в соседний город, разыскать одного ремесленника и узнать, как он живет. Макарий пошел. Оказалось, что ремесленник — простой рабочий, который живет с семьей и ничем особенным не выдается. Макарий его начал спрашивать, какова их духовная жизнь. «Ну какая же духовная жизнь! — отвечает тот. — Работаю с утра до ночи, зарабатываю гроши, перебиваемся с женой и детьми, вот и вся наша жизнь». Макарий стал дальше расспрашивать. И оказалось, что этот человек за всю жизнь не сказал резкого слова жене, что они любят друг друга совершенно и полностью и составляют одно целое. И святой Макарий вернулся в пустыню с мыслью о том, что он сам такой цельности, такого единства с Богом, какое этот человек явил через единство с женой (я не говорю — только «в единстве с женой», но «через него»),

еще не достиг. Поэтому надо с осторожностью говорить о том, что один путь выше другого: не всякий шествующий одним путем духовно выше, чем тот, который идет другим путем.

А что касается до принуждения человека к постригу, то есть до внушения ему, что он должен выбрать самый высокий путь или что нет другого пути для него, если он хочет быть священником, это уже преступление. Человек должен, как я уже сказал, созреть и сделать выбор под внушением Святого Духа, а не просто формально, потому что монашеский путь является более интегральным, более цельным, чем брачный путь. Это бывает, но это не всегда так. Можно быть монахом очень — как бы сказать? — «разжиженным» образом. Можно быть человеком, который неспособен на брак и выбирает монашество; можно быть монахом, который исполняет все правила, но духом не может, не в состоянии «возлетать во области заочны». И тут духовник должен с большой осторожностью ставить вопросы, прислушиваться к *душе* человека и не принуждать его ни к чему, а ему помочь разобраться в себе самом так, чтобы он мог или принять решение не только свободно, но творчески, или решить переждать, пока он сам не созреет.

И.И. *Что Вы можете сказать о так называемом «невенчанном» или гражданском браке, который некоторыми духовниками отождествляется с блудом?*

М.А. То, что я скажу сейчас, вероятно, будет воспринято этими духовниками, а может быть, и многими другими как неправильное мнение. Если кто хочет узнать об истории того, как образовался наш церковный брак, я хочу его отослать к книге профессора С. Троицкого «Христианская философия брака» (она была переиздана в России). Там он указывает на целый ряд вещей, которые мы давным-давно забыли и к которым, может быть, надо было бы вернуться очень вдумчиво.

Первое – то, что апостол Павел не отрицает и не отвергает брака между верующим и неверующим. В одном из посланий он говорит: «Муж неверный спасается женой верной», и наоборот (и когда речь идет о «верности», здесь, конечно, говорится не о супружеской верности, а о вере в Бога, во Христа). В его время, когда муж или жена принадлежали к Церкви, а другой супруг не принадлежал ей, нехристианского супруга не принуждали принять крещение и затем так или иначе вступать в так называемый «христианский» брак. Брак сам по себе

рассматривался с огромным уважением. Есть одно место, мне кажется, у святого Григория Богослова, где он говорит, что мир не мог бы существовать без таинств, то есть без таких божественных действий, которые пронизывают историю или личную жизнь людей, и что брак еще в Ветхом Завете и в язычестве являлся такой тайной, то есть таинством, через которое двое людей, которых грех разъединил, становятся едиными в Боге благодаря соединяющей их и превосходящей всякую рознь любви. Поэтому, если мы можем принять, что в языческой древности, так же как в Ветхом Завете, брак является таинством, то есть таким действием Святого Духа, которое в наш падший мир вносит измерение вечной святости, то нам надо быть очень осторожными с определением гражданского брака как блуда или чего-то неправильного.

Второе: мы должны помнить, что в течение ряда столетий (если не ошибаюсь, девять столетий) в Византийской империи браки совершались гражданской властью. И только в какой-то момент император – не Церковь – решил, что браки будут совершаться Церковью, потому именно, что это действие, которое выносит двух людей из узких рамок государства в бесконечные просторы вечной жизни в Боге.

И тогда опять-таки начался целый процесс, потому что Церковь не сразу начала составлять богослужение венчания. Вначале к церковному браку допускали только девственников. Эти девственники вступали в брак путем торжественного заявления перед общиной о том, что они любят друг друга вечной любовью и хотят быть едиными между собой, как Христос един с Церковью. И тогда они причащались вместе, но обряда никакого не было. Это заявление их воли, их решимости и совместное причащение и составляли брак. Позже Церковь развила богослужение, которое выражает собой церковное понимание о браке, и это богослужение мы сейчас употребляем.

Но мне кажется (и когда я говорю «мне кажется», фактически, я в этом глубоко убежден), мы не должны были бы венчать людей, которые не доросли ни до какого христианского понимания о браке. Если действительно апостол Павел говорит правду, что брак – это образ единства Христа с Церковью, то когда человек приходит, надо ставить вопрос: чего ты хочешь в браке? Я уже пятьдесят лет священствую и многих опрашивал.

Первый вопрос, который нужно ставить: что вас соединяет? Если люди до конца честны, они скажут: нас соединяет единство интересов и

вкусов, нас соединяет взаимное желание друг с другом телесно соединиться, – я сейчас говорю не о блудном вожделении, а о том, что два человека, которые друг друга действительно любят, могут соединиться друг с другом, не нарушая целомудрия, которое необходимо и в браке. Люди также могут сказать: мы хотим брака, потому что хотим перед всем обществом заявить о своем единстве. Но это еще не христианский брак. Это любовь, которая соответствует тому, что я сказал в начале о таинстве брака до христианства. Христианский брак – таинство, где любовь человеческая раскрывает такие глубины и такую широту, которая принадлежит небу.

Другая категория людей хотела бы брака церковного, потому что принято считать, что не венчанные в церкви живут в блуде, и если они будут венчаны в церкви, то брак их совершенен. И это не всегда правда, потому что они не всегда стремятся к тому, чтобы их брак был живой иконой единства Христа и Церкви со всей глубиной, со всем размахом этого понятия. Ко мне приходят люди, которые хотят венчаться, и я их всегда подробно и внимательно опрашиваю, долго с ними говорю о том, что они видят в браке. И несколько раз – не часто – я им говорил: «Не венчайтесь в церкви.

Вы хотите плотского брака – оставайтесь на этом уровне. Вы хотите душевного брака – оставайтесь на этом уровне. Вы хотите чего-то, что превосходит душевность и плоть – оставайтесь на этом уровне, но вы сейчас еще не выросли, не поняли ни умом, ни сердцем, что представляет собой брак, о котором говорит Церковь, и что так ясно выражено в самой службе обручения и венчания». Два раза я отказывался венчать людей, потому что они были достаточно зрелы для того, чтобы понять этот отказ; они были достаточно зрелы, чтобы не подумать, будто я их считаю недостойными грешниками, а понять, что я им открываю путь в такие глубины, о которых они не имели понятия. И мы в течение нескольких лет работали с ними над развитием в них понимания того, что такое христианский брак; и одну чету я венчал после пяти лет, другую чету я венчал после пятнадцати лет, когда они жили чистым телесно-душевым браком, когда они были едины, но не перешли грань между человеческим и божественным, когда их брак был браком ветхозаветным или браком языческим в том смысле, в котором говорит о нем святой Григорий Богослов. И их брак, когда он, наконец, совершился в церкви, был действительно торжеством, в котором явлено было единство Христа и Церкви.

Поэтому я не считаю, что гражданский брак сам по себе является блудом. Если гражданский брак не имеет никаких корней в любви, во взаимном понимании, а является просто сожителем двух людей, которые хотят делить свою плотскую жизнь, это одно; это порой можно назвать блудом. Но то, что я сказал раньше, должно хотя бы навести на мысль о том, чем мог бы быть такой брак гражданский или даже не гражданский, а просто фактическое соединение двух людей, которые едины во всем, но еще не переросли своего человечества и не могут быть иконой единства Христа и Церкви.

И тут встает вопрос о том, правильно ли мы делаем, что всех венчаем только потому, что они крещены. Я тоже венчаю людей, и все наше духовенство венчает людей на этих началах. Но я продолжаю думать, что это ошибочно, что это не дает людям возможности заглянуть в глубины того, что брак собой представляет – через чинопоследование таинства Брака, через чтение из апостола Павла, и через учение Христа Спасителя – и вступить в брак такой, который уже соединяет небо и землю. Но гражданский брак, если он чист плотью и чист душевно, является таинством, потому что это соединение двух людей, кото-

рое превышает, которое уничтожает то разделение греха, которое сделало одного человека чужим для другого. Они становятся друг другу своими, alter ego («другое я»), и через это уже как бы зачаточно приобщаются тайне единства в Боге.

И.И. В определении Синода упоминается случай, когда духовник принуждает к вступлению в брак с лицом, рекомендованным самим пастырем. Как Вы относитесь к подобной практике? Насколько вообще правомочен духовник вмешиваться в решение таких вопросов?

М.А. Я скажу: абсолютно неправомочен, никакого права он не имеет определять в такой мере и в такой форме будущее двух людей. Вообще, вступить в брак по принуждению, так же как принять монашество по послушанию, безумно и грешно; и грех, конечно, лежит на том священнике, который накладывает такую невыносимую ношу на того, кто принимает монашество, или на тех, кто вступит в брак. Это недопустимо. Духовник должен приготавливать чету, научить их тому, что представляет собой брачная любовь, брачное целомудрие, брачная чистота, брачное единство душевно-телесное, и когда они готовы, их венчать. Причем не он

должен выбирать жениха или невесту для другого лица.

Мне известны случаи, когда духовник приказывал вступить двум людям в брак между собой, что потом оказывалось катастрофой. Дело пастыря – вглядываться в своих пасомых, вглядываться молитвенно, вглядываться смиренно и им помочь стать тем, чем стать они призваны Богом. Я знаю несколько случаев, когда духовник или кликуша-«старица» разорвали узы любви, которые уже существовали между юношей и девушкой, принудили их венчаться с другими людьми, потом случилась катастрофа, они граждански развелись; и эта же кликуша их пыталась соединить еще с другими возможными мужьями и женами.

Это безумие и это преступление; и Церковь должна была бы реагировать на все эти безумные преступления дисциплинарным образом. Такой духовник должен быть лишен права принимать подобные решения; если нужно, он должен быть запрещен в священнослужении. И во всех случаях, которые мне пришлось переживать и в России, и вне России, когда такое совершается, Церковь должна поступить со всей строгостью.

На это мне раз ответили, что если так поступить и запретить такого-то священника, то

несколько сот людей уйдут от Церкви. Они от Церкви не уйдут, они уйдут от *лжецеркви*; и это надо принимать в расчет. И вопрос не в количестве, а в том, чем эти люди являются. Если они являются только духовными детьми *этого* священника, *этого* лжедуховника, то они Церкви, в сущности, не принадлежат, они уже отпали, они стали боготворить идола, отдались в культ его личности, и этот идол должен быть снят. Простите резкость моих выражений, но я с большой болью это все переживаю, потому что до меня не только слухи доходят, а приезжают люди из России с такими вопросами; и когда я сам бываю в России, многие ставят передо мной именно эти вопросы. Я не могу их решать, потому что у меня ограниченное право решения, но порой я им даю советы самые определенные, какие я сейчас изложил.

И.И. Некоторые монашествующие духовники практикуют так называемое отчитывание, включающее в себя чтение специальных молитв для изгнание бесов. Нередко к таким духовникам обращаются люди, страдающие психическими болезнями, надеясь, что «отчитка» им поможет. Публикуется немало литературы о власти дьявола и бесов. В одной из таких брошюр сказано, что коль скоро бес вошел в человека, он

уже навсегда обладает им, и только отчитывание может ему помочь. Что на это сказать?

М.А. Во-первых, я скажу, что не всякая душевная болезнь является плодом одержимости. У меня был очень яркий пример. Был в Париже иконописец, который вдруг помешался умом, ему чудились разные вещи. Его родные не хотели его раздражать, и когда он говорил: «Вы разве не чувствуете запах серы?» — принимались, соглашались с ним и от этого только углубляли в нем сознание, что так оно и есть. Потом ему стало хуже. Его начали отчитывать, мазать елеем, соборовать, причащать чаще. Он все равно не поправлялся. Я тогда был врачом и работал в психиатрической клинике, и ко мне обратился мой духовник, отец Афанасий, с вопросом: что с ним делать? Он или одержим или сумасшедший; как поступить? Я сказал: «Отдайте его нам в клинику, мы его будем лечить электрошоком». Отец Афанасий меня переспросил: «А если это бесовское наваждение?» Я тогда ответил (может быть, грубо): «Электрический ток бесу вреда не принесет, а человека может спасти». И мы его взяли в больницу, лечили, и он вылечился. Но что замечательно: с ним случилось нечто непонятное. Он был хоро-

шим иконописцем, но что-то в его иконах было странное, напряженное. Я перед одной из его икон несколько лет стоял и всегда чувствовал в этой иконе что-то «не то». Когда он вышел из психиатрической больницы, он начал писать иконы зрелые, глубокие, совершенно иные.

Мне потом пришлось прочесть в «Записях» отца Александра Ельчанинова место, где он говорит, что бывают души настолько хрупкие, что мир их мог бы разбить, и Бог на время кладет между ними и миром пелену сумасшествия с тем, чтобы они могли внутренне созреть и окрепнуть, раньше чем встретиться с этим миром. Это и случилось с нашим другом-иконописцем.

Поэтому я скажу: делайте все, что возможно с человеческой точки зрения, с точки зрения лекарств, лечения, психиатрической помощи, — и молитесь. Но молитесь не *над* человеком, а *за* него, чтобы не создавать в нем какого-то внутреннего напряжения, которое сверх его сил. И придет время, когда, если это психическая болезнь, он выздоровеет; если же тут есть какая-нибудь «бесовщина», одержимость, то молитва Церкви может его освободить. Но не обязательно применять отчитывание. Отчитывание может большей частью

только прибавить к внутреннему напряжению, внутренней растерянности, путанице, которая в человеке. Если он начнет верить, что он одержим, то может и не суметь вырваться из этой одержимости.

И.И. По рукам православных верующих ходят брошюры, составленные как бы в помощь исповедующимся и содержащие перечень грехов. Среди упоминаемых там грехов (их может быть до двух тысяч) всевозможные извращения, о которых иные православные верующие даже и слыхом не слыхали. Насколько полезны или вредны подобного рода пособия?

М.А. Я со всей определенностью и убеждением скажу, что подобные пособия вредны. Они должны бы быть запрещены, отняты у тех, у кого они есть, и совершенно иной подход должен быть предложен для подготовки к исповеди.

Первым делом я скажу, что никто не может прочесть две тысячи названий грехов и быть в состоянии себя определить среди них. Некоторые люди, приезжающие из России, приходят ко мне на исповедь со списками и начинают вычитывать. И каждый раз я их останавливаю и спрашиваю: «А вы знаете, что значит этот

грех?» – «Нет, но он числится в списках, и так как я грешный человек, я его упоминаю»... Это не исповедь, это не только извращение, но оскорбление самого понятия исповеди, унижение исповеди.

Человек должен исповедовать *свои* грехи, это первое; он должен быть научен постепенно с большей тонкостью понимать свои душевные состояния, оценивать свои поступки и их исповедовать. Но исповедовать грехи, которые когда-то были просто записаны досужими монахами и вошли в списки, совершенно бессмысленно, это ничему людей не учит. Как принцип, человек должен научиться исповедовать *свои* грехи, а свои грехи – это те, которые он сознает как таковые. Позже, когда он повзрослеет духовно, он найдет в себе еще другие грехи и основания исповедовать их. Поэтому мой совет был бы таков: чтобы человек стал перед своей совестью, перед лицом Божиим, перед судом своих друзей и знакомых, и поставил себе вопрос: что во мне недостойно ни меня самого, ни Бога, Которого я исповедую, ни общины, к которой я принадлежу, ни людей, которые меня считают своим другом? Человек должен все это продумать и знать: вот в этом я согрешил против самого себя, против тех людей, которые меня

любят, против Бога, Который Свою жизнь отдал за меня, против Церкви, которую я уродую своими грехами, своей принадлежностью ей. И в этом смысле исповедь должна быть совершенно личная. Она неминуемо будет неполная, но она будет реальная. Она будет неполная в том смысле, что другой человек, более духовно зрелый или лучше наученный или более опытный найдет в себе, может быть, и другие грехи, но в данную минуту тот человек, который исповедуется, должен исповедовать свои собственные грехи.

Второе, что я хотел бы сказать: часто духовники советуют читать Евангелие или Писания, или даже Ветхий Завет и отмечать все те указания на греховность, которые там есть, и ставить перед собой вопрос: греховен ли я в этом или нет? И делая это, люди проходят мимо самых светлых моментов в Священном Писании. Мой совет им бывает и остается таким: когда читаешь Священное Писание, отмечай все те изречения Спасителя, все указания Апостолов, все места в псалмах, на которые ты отзываешься или с радостью, или с болью. С радостью в том смысле: Боже, как это прекрасно! Вот каким я *хочу* быть!.. – или с горем: Да, я это понимаю, это дошло до моей души, и – увы! – я не таков... Вот если отме-

тять те места, в которых наша душа узнает самое прекрасное, что Бог ей открывает о ней самой, и то, что открывается ей о греховности, тогда человек может исповедовать *реальные* грехи. Реальные грехи, относящиеся к тому, что вы в себе нашли созвучного в Евангелии, заключаются в том, что я это понимаю умом, я это воспринял сердцем, меня это взволновало до глубин души – и я так не поступаю. В этом я не только нарушаю заповедь, объективную заповедь Божию, но я поступаю против того, что уже во мне созрело, против того, что я уже познал об истине духовной жизни и жизни с Богом. Вот это и надо исповедовать. Также когда нас что-то поражает: ах, мне в голову не приходило, что это греховно, а я это делаю, или я об этом мечтаю, да, я понимаю теперь, что это грех, и я исповедую это. Вот в чем начало исповеди.

Потом можно искать в наставлениях Отцов Церкви или у духовника каких-нибудь других указаний, но исповедь должна быть всегда моя собственная. И нужно помнить, что ни одна исповедь не может быть исчерпывающей. Думать, что человек может исповедать все, что в нем есть, иллюзия, потому что человек может исповедать только то, что он видит, а мы все полуслепые в этом отношении.

Что же тогда делать? Исповедь и постепенное очищение души должны происходить так, как происходят археологические раскопки. В каком-то месте – мы знаем – был город. Собираются люди, начинают снимать первый слой земли, и открывается вершина какого-нибудь здания: либо храма, либо капища, либо дома. В этот момент уже что-то видно. Дальше, по мере того как мы будем расчищать эту площадь от земли и разных наслоений, будет все больше и больше открываться, и каждый раз мы будем познавать больше. Так же и с исповедью. Мы должны начать с того, чтобы всмотреться хорошенько, вдуматься хорошенько в тот слой нашей души, который мы уже понимаем, о котором мы уже имеем ясное представление, и его представить Богу в покаянии и в благодарении. Затем, конечно, после того как этот слой очищен, открывается следующий. И так далее, до самых глубин души. Ожидать от человека, что он может исповедать глубинные грехи, о которых он еще не имеет понятия в своем духовном опыте, потому только, что они значатся в списке, бессмысленно. Конечно, всякий из нас может сказать: Отцы Церкви говорят, что то или другое греховно; ну, значит, я грешен, потому что я даже понятия не имел о том, что это нехорошо... Но не

в этом дело. На исповеди человек должен предстать перед Богом во всей *своей* правде, а не в чужой правде. И поэтому такие списки только вредны.

А когда в этих списках еще значатся половые извращения, то рекомендовать подобные списки – просто преступление, свершаемое так называемым «духовником» против человека; потому что мы все знаем, как мысль вкрадывается в нас через слух, через зрение и как постепенно эта мысль охватывает наше воображение, как постепенно мы начинаем интересоваться этой мыслью и впадаем в искушение. Этого нельзя делать. Надо человеку дать возможность высказать то, что он знает о себе. А Церковь в лице священника, духовника, должна ему говорить не о половом грехе, а о целомудрии, о красоте его души, о том, как он должен бережно относиться к своему телу и к телу другого человека – что другой человек является иконой и что к каждому человеку надо относиться соответственно, именно как к иконе, почитать, охранять; и так же относиться к своему телу. И если человека так учить относиться к своему телу и к чужому телу, тогда может вырасти настоящее целомудрие, – вырасти не от страха, не от того, что человек отвращается от всего для него привлекатель-

ного, а от желания в другом человеке видеть икону и относиться как к святыне, и в своем теле тоже увидеть святыню, которую нельзя осквернять. Эта святыня является иконой Христа Спасителя – Бога воплотившегося. Как же можем мы относиться к ней иначе? Эта икона должна постепенно очиститься от всяких возможных наслоений, от изуродованности, которые постепенно были наложены на эту икону. Но это надо делать постепенно и именно относясь к своей плоти и к чужой плоти с благоговением.

Современные духовники слишком много говорят о грехах плоти и о том, что с ними надо бороться. Замечательную вещь сказал один из Отцов церкви, когда писал, что то, что мы называем грехами плоти, это те грехи, которые дух и душа наша совершают *против* плоти нашей. Плоть сама по себе безгрешна, она является жертвой греховности нашей души. И если мы больше думали бы о своем теле и о чужом теле именно так, то могли бы относиться к телесности с благоговением и побеждать искушения не ради возможного наказания, а ради той красоты, которую Бог видит в нас. Он ведь смог стать человеком, принять плоть, настоящую человеческую плоть. Нам дана плоть, которая сама по себе не греховна, но в которую

наше вожделение, наше воображение вносит греховность.

И.И. Некоторые духовники предъявляют высокие аскетические требования исповедующимся, в том числе и детям, настаивая, в частности, на соблюдении строгого поста в течение нескольких дней перед причастием. В один из московских монастырей воспитательница детского дома привела к причастию группу детей-сирот. Настоятель монастыря спросил, соблюдали ли дети пост в течение трех дней перед этим; когда выяснилось, что нет, он не допустил к причастию никого из них. При этом он сказал: «Запомните, дети: у Бога ничего просто так не бывает».

М.А. Я думаю, что он поступил не право. Я думаю, что Бог этих детей принял бы с любовью: ведь они нарушили церковное правило, о котором не имели понятия. Они не были принуждены его исполнить, потому что воспитательница, вероятно, хотела, чтобы они пришли к Богу с радостью, а не с чувством, что к Богу можно приходиться только с натугой, что нельзя к Нему просто так прийти. Представьте себе: мать сидит в своей комнате с открытой дверью. Она одета в белое платье, на дворе весна.

Ее маленький мальчик играет в саду. Он играет в песке, играет в траве, весь запачкался. И вдруг вспомнил о маме, не головой вспомнил, а сердце его вспомнило о маме, и у него родился порыв броситься к ней, обнять, расцеловать ее, — и он бежит. И что должна сделать мать? Его остановить, сказать: «О чем ты думаешь? Разве ты не видишь, что на мне белое платье, что ты меня всю запачкаешь? Пойди-ка вымойся сначала!»? Если она чуткая, умная мать, она забудет про свое платье, про свою белизну. Она отзовется на эту ласковую любовь ребенка, возьмет его на колени, обнимет, даст ему ее расцеловать — и запачкать и платье, и лицо ее, и потом отпустит его обратно играть. Так, мне кажется, Бог к нам относится. Так что когда ребенок приходит к причастию, он должен приходиться с порывом, с радостью: я иду ко Христу, Который, как мама, меня любит, Который хочет меня обнять, Который хочет меня приласкать, Который мне позволяет, несмотря на то, что Он Бог, быть Его мальчиком или девочкой... Вот как надо относиться к ребенку, который приходит к причастию.

А что касается достоинства, то, простите меня, миллионы людей постятся и соблюдают строгий пост и перед причастием, и в других обстоятельствах, а можно ли сказать честно,

что от этого они делаются лучше, то есть ближе к Богу? Нет, нельзя. Очень часто надо было бы сказать: лучше бы ты не был таким ханжой, таким верным исполнителем всех уставов – и не забывал про любовь и про милость, и про прощение, и про все добродетели, о которых говорит Христос.

Мне вспоминается рассказ из жизни святителя Филарета Московского о том, как в одной деревне был священник пьющий, а в другой деревне все жители спились, и местному священнику там было невмоготу. И Филарет подумал: соединю-ка пьяного священника с пьяным приходом, потому что я все равно ничего не могу для них сделать. Он так и поступил. Пьющий священник пришел в пьяную деревню, обратился к прихожанам и сказал: «Вот каково положение. Владыка отчаялся и в вас, и во мне: мы пьяницы. Но я, как священник, обязан совершать Божественную Литургию каждое воскресенье, в каждый праздник, и на Литургии причащаться, несмотря на то, что я пьяница. Так вот что я вам предлагаю: приходите и будем все вместе причащаться; вместе причащаться, плача над собой, каюсь перед Богом о том, что мы недостойны подходить к Нему, но что мы верим в *Его* милость». И что же случилось? Из жития митрополита

Филарета мы узнаем, что от изумления, от благодарности и от действия Святого Духа через таинство и непосредственно на их души, которые открылись Богу, вся деревня начала меняться; через какое-то время пьянство прошло: и священник стал трезвый, и жители деревни стали трезвыми. Вот пример. Они не постились, они не соблюдали строго устава; они пришли к Богу, потому что Он был единственный, Кто их сумел любить недостойными. Есть русская пословица: «Полюбите нас черненькими, беленькими нас всякий полюбит»... Вот так и бывает. И я убежден, что если человек по небрежности нарушает какие-нибудь правила, ему надо это ставить на вид. Но если он просто о них не знает или у него не хватает сил, веры, убежденности, что это необходимо или нужно, то надо ему дать опыт близости с Богом, а не требовать с него исполнения правил.

Поэтому я думаю, что в данном случае этот священник поступил не право. Он должен был бы допустить всех детей к причастию после, может быть, общей беседы и короткой, но вдумчивой личной исповеди с каждым ребенком, причем говорить он должен не о том, что ребенок нарушил такие-то правила, а о Христе, о любви Божией...

Да я просто расскажу, что я делаю, когда ко мне приходит ребенок в первый раз исповедоваться. Обыкновенно он приносит бумажку, на которой мамаша написала целый список его проступков. Он начинает читать, я его останавливаю: «Кто составил этот список?» – «Мама». – «А ты согласен с этим списком?» – «Да, раз мама говорит, что это нехорошо». – «Давай отложим этот список и поговорим. Ты что-нибудь о Христе знаешь?» – «Да, мне мама рассказывала и мне вслух читали Евангелие». – «И как тебе кажется: тебе нравится Христос, ты хотел бы с Ним познакомиться и сдружиться?» Ребенок думает некоторое время и обычно говорит: «Да, я хотел бы, чтобы Он стал моим другом». – «А ты знаешь, что такое дружба? Дружба заключается в том, чтобы быть верным своему другу во всем, делать все возможное, чтобы его не огорчать, приложить все свои силы, чтобы ему радость принести. Если он старше, умнее или лучше тебя, сделать все возможное, чтобы быть на него похожим. Как ты думаешь: тебе хотелось бы в такие отношения дружбы вступить со Христом?» – «Да, я хотел бы быть Его другом!» – «Тогда вот что. Забудь про этот список и мне скажи: если бы сейчас перед тобой стоял Христос видимо (невидимо Он стоит

тут) и тебя спросил: «Скажи, есть у тебя что-то, что тебе стыдно Мне сказать или о чем стыдно, чтобы Я знал даже без того, чтобы ты сказал? Что бы ты сказал?» И ребенок говорит: «Я лгал, я делал то, другое. Мне стыдно было бы, чтобы Христос это знал – а Он ведь знает. Как же быть?» – «А ты Ему сам скажи, не так, чтобы Он знал без тебя, помимо тебя, а ты Ему просто скажи все: что ты крал конфеты, что ты лгал, что ты не слушался, потому что тебе было лень, что ты смеялся над некоторыми своими товарищами, что ты был неверен своей дружбе. Например, когда твоего друга другие мальчики обижали, над ним смеялись, иногда даже, может быть, били его, ты заступался за него? Ты становился рядом с ним со словами: если хотите его бить, и меня бейте?» – «Нет». – «Вот в этом ты кайся». И так можно ребенка научить каяться в *реальных* его грехах, но ради дружбы с Богом, ради дружбы со Христом, потому что Христос является его Другом, и печать дружбы – это верность, это желание принести радость другу и никогда не быть причиной огорчения или боли для него. Вот как надо говорить с ребенком.

А то, что относится к ребенку, относится также и к взрослым, потому что бесчисленное

количество взрослых приходят на исповедь так же, как ребенок, со списком грехов, зная, что то, другое и третье не надо делать, но не потому исповедует их, что это нарушает его дружбу с Богом, уродует его, делает невозможным ему назваться Христовым другом, а по другой причине. И в этом отношении списки не помогают. Они дают человеку знание о грехах, о которых у него не было понятия и которые ему не нужно знать, потому что они не принадлежат ни его возрасту, ни его полу, ни его развитию. А надо его учить в себя самого глядеть, искать в Евангелии те места, от которых горит сердце, возбуждается желание последовать этим указаниям, яснее ум, крепость воли возрастает. И вот если мальчик, или девочка, или взрослый нарушает *это*, он нарушает свою верность Богу в том, в чем она уже зачаточно существовала. Вот где надо начинать вопрос об исповеди. А списки – нет!

А что касается вопросов половой жизни, то к ним нельзя прикасаться грубо. Надо найти какой-то способ сказать ребенку (или взрослому тоже) о целомудрии, о том, как он относится к своему телу, о том, как он относится к телу других людей, смотрит ли он на него с благоговением, целомудренно, или нет. Но никогда не описывать никаких грехов, кото-

рые, может быть, он не знает, и не давать ему списков грехов, о которых он никогда не слышал. Я помню одного человека, – это было много лет тому назад, – которому священник дал список грехов, и этот циничный, неверующий человек вернул список со словами: «С каким интересом я этот список прочел! Мне в голову все это не приходило. Как это было интересно, как любопытно, и как я буду над этим думать и играть воображением!» Этого ли вы хотите, когда даете человеку список грехов? Можете ли вы с уверенностью сказать, что он его воспримет именно с покаянным чувством? Нет, не можете. Поэтому берегитесь этого.

А что касается допущения или не допущения до причастия на основании поста, то тут надо делать различие. Есть люди, которым нужно причаститься в первую очередь, потому что это будет первый их живой контакт с Богом, и они не могут подготовиться к нему просто воздержанием от той или другой пищи. Для них это непонятно, не существенно. Я исповедовал в течение нескольких лет людей, которые никогда до того не бывали в церкви и никогда не исповедовались, хотя были когда-то в детстве тайно крещены. Таким людям надо помочь заглянуть в себя, взглянуть на Бога и

установить новые отношения; и причаститься не на том основании, что они выложили всю свою душу и исповедали все свои грехи без остатка, а потому что они приходят к Тому, Кто может им дать Жизнь. Причащение Святых Таин – это Жизнь, которая дается им, нам. Это не значит, что мы можем легко давать таинство, но это значит, что иногда человеку необходимо причаститься для того, чтобы познать Бога.

Расскажу один случай. Почти пятьдесят лет назад ко мне пришла молодая женщина с вопросом: «Я принадлежу к верующей семье. Меня каждый год заставляют на Пасху причаститься. Я не верю ни в Бога, ни в причастие, ни во Христа, ни в Церковь, ни во что, и я не могу продолжать принимать причастие при этих обстоятельствах. Что мне делать?» Я сказал: «Вопрос решен, – если ты придешь причаститься, я тебе откажу в причастии при этих обстоятельствах; но я с тобой хочу поговорить об этом». И в течение всего поста каждую пятницу она ко мне приходила, и я с ней делился тем немногим знанием, которое у меня есть, и тем малым опытом, который у меня собрался за годы. И когда мы дошли до Великой пятницы, оказалось, что я не сумел ей ничего передать, и она просто потеряла время на разгово-

ры со мной. Я ей сказал: «Знаешь, я тебе ничего не смог дать, твоя семья ничего тебе не сумела открыть. Пойдем и будем молить Бога о том, чтобы Он это сделал Сам». Мы пошли в храм, стали на колени перед Плащаницей, и я поставил вопрос Богу: Господи, что мне сказать этой девушке, чтобы ей открыть путь к Тебе?.. И вдруг мне пришла мысль (тогда, в течение всей этой встречи я поступал, – как бы сказать? – «на веру», то есть с уверенностью, что Бог хочет спасти этого человека, как бы мне ни казалось это непонятным, каким бы непонятным путем Он ни шел). Мне пришла мысль ее спросить: «Необходимо ли для тебя найти Бога или нет?» Она ответила: «Если Бога нет, то и смысла жизни нет, и жить я не хочу. Что мне делать?» Я ответил: «Не знаю!» – и поставил Богу второй вопрос: что ей делать и что мне делать? что я должен ей сказать?.. Через некоторое время ответ мне пришел, я ей сказал: «Если ты исполнишь то, что я тебе скажу, то я тебе от имени Бога обещаю, что ты найдешь веру». Она сказала: «Да! А что делать?» И я снова ответил: «Не знаю, давай дальше молиться». И продолжал молиться; и пришла мысль, которая меня испугала, но которую я счел своим долгом повторить, потому что, спросив Бога, я счел невозможным как бы

«запретить» Ему мною пользоваться для ответа. Я ей сказал: «Вот тебе ответ. Завтра, в Великую субботу, я буду совершать Литургию. Ты подойдешь к причастию, но перед тем как причаститься, ты остановишься и вслух мне скажешь: Господи, мои родители мне ничего не дали; Твоя Церковь меня обманула и ничего мне не дала, Твои священники мне ничего не сумели передать, и теперь я стою перед Тобой с вопросом. Если Ты не ответишь мне на этот вопрос *Сам*, я ухожу и никогда к Тебе не вернусь». Она на это возразила: «Если Бог есть, это кощунство, я не могу этого сказать». Я ответил: «Нет, ты это скажешь, потому что я буду отвечать за твои слова». И она пришла и сказала эти страшные слова и причастилась Святых Таин. Я в тот же день уехал во Францию и получил от нее записку: «Я еще не знаю, есть ли Бог, но с уверенностью могу сказать: то, что я получила в причащении, было не хлеб и не вино, а что-то совершенно иное». И тут начался ее духовный путь.

Это я говорю для того, чтобы подчеркнуть, что не соблюдение правил открывает нам путь к Богу. Когда этот путь уже открылся, тогда правила могут нам служить костылем, — не условием для того чтобы подойти к Богу, а костылем, который нам помогает идти к Нему

на встречу, на приобщение, на общую жизнь. Но когда этот путь еще не открылся, никакие правила не помогут.

И.И. Что Вы скажете о тех общинах, в которых создается культ личности священника, когда каждое его слово, не только по вопросам духовной жизни, но и по политическим и иным вопросам воспринимают как изъявление воли Божией?

М.А. Культ личности — одно из самых вредных явлений не только церковной жизни, но вообще всей жизни, включая и политическую. В области политической культ личности находит свой предел в диктатуре и в том, что некто, произведя впечатление на окружающих, получает власть, на которую он не имеет никакого права по своему внутреннему содержанию, то есть по зрелости, по мудрости и по знаниям. Культ личности надо искоренять всячески. И первый, кто должен это делать, — это тот человек, который является жертвой этого культа, то есть тот священник или мирянин, которого окружают недолжным и непозволительным почитанием.

Для этого священник (я буду говорить, конечно, в первую очередь о священниках) дол-

жен постоянно следить за собой и постоянно себе напоминать, что он *ничто*, если им не руководит Божия благодать, и что Божия благодать ему дается не как постоянный дар, а в меру того, как он сам смиряется перед Богом, как он сам отрекается от себя и как он сам отдает свою жизнь другим, на служение. Я помню, отец Софроний мне как-то сказал, что Церковь построена, словно пирамида, причем пирамида, стоящая вверх дном, стоящая на самом острие своей вершины. И чем человек делается ближе к Богу, чем он хочет больше себя отдавать на служение другим, тем он должен сходить ниже и ниже, глубже и глубже в этой пирамиде, и в конечном итоге вершина этой опрокинутой пирамиды – Сам Христос, на Котором все покоится, вся тяжесть мироздания, вся тяжесть человеческой грешности, все. Поэтому если священник хочет избавиться от культа личности, он должен первым делом прийти в себя, опомниться, понять, что его почитают либо за то, что ему было дано, либо потому, что люди видят в нем то, чего, может, и нет.

Что было дано – это, во-первых, его внешность: она играет большую роль. Человек производит первое впечатление своей внешностью, и священник (как всякий другой человек, но священник особенно) должен задуматься над

тем, чтобы своей внешностью, как он представляет себя внешне людям, не быть соблазном, то есть чтобы его внешность не была воплощением его тщеславия, его гордыни, его духовного невежества, его природной глупости, в конечном итоге. Это очень важно. Значит, первым делом священник должен следить за тем, чтобы внешностью своей не поражать окружающих; быть собой, да, но быть осторожным и не выдаваться.

Второе: умственные качества. Ум можно проявлять с мудростью или с дерзостью. С мудростью можно проявлять все знания, которые человек приобрел за короткую или тем более долгую жизнь, когда это нужно другим. Но, как сказал один французский писатель XVIII века, свое знание и свою мудрость следует хранить, как человек хранит в кармане часы; он их вынимает только когда ему нужно узнать, который час, но не ради того чтобы все знали, что у него есть карманные часы... Это очень важный момент: чтобы человек не проявлял никакой особенной учености или мудрости, когда она никому не нужна и когда она является только демонстрацией его собственных – может быть, несуществующих – качеств и свойств.

Дальше, человек может возгордиться своим знанием, то есть тем образованием, которое

ему было дано. И тут он должен помнить, что все это знание ему не принадлежит, что это ему был подарок, – подарок от Бога, так же как ум, которым он оказался способным воспринять эти знания, и подарок со стороны Церкви, гражданского общества, семьи, друзей, древней и современной литературы и т. д.; все это ему не принадлежит. Если он обладает этими свойствами, то есть умом, образованностью и прочим, он должен научиться быть благодарным, но не демонстрировать их.

Дальше, он должен беречься соблазна кичиться и пользоваться своим саном для того, чтобы приобретать какое-то уважение и занимать какое-то положение в обществе: я-де архимандрит, я епископ, я священник, я дьякон, я то или другое. Это ничего не значит. Перед Богом, Который видит душу человеческую, эти звания могут быть не только пустым звуком, но даже предметом его осуждения, потому что если человек ходит звеня перед собой этими званиями, то Бог может посмотреть и сказать: да, звания на тебе есть, а достоинства – никакого, ты не соответствуешь тем званиям, которыми кичишься, и чем больше твое звание, тем худшее тебе будет осуждение... Это все мысли очень важные для священника, и даже для дьякона, и для всякого

человека, кого хвалят за те или другие свойства, которые ему даны от Бога.

Мы должны все помнить то, что сказано в начале Заповедей блаженства: *Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное...* Что значит *нищие духом*? Нищий духом – человек, который понимает глубоко или даже краем души, что в нем ничего нет, кроме того, что ему дал Бог, что все хорошее, что в нем только может быть, это дар Божий, и что хвалиться этим совершенно ему не к лицу.

Я вспоминаю девушку лет двадцати с небольшим, милой внешности. Пришла ко мне, села и с ужасным выражением лица говорит: «Я не могу спастись, я погибаю от тщеславия!» – «А что ты делаешь против него?» – «Я не знаю, что делать с ним, я борюсь с ним, но тщеславие побеждает». – «А в чем же заключается твое тщеславие?» – «Каждый раз, когда я вижу себя в зеркале или отражение в стекле, то думаю: какая я хорошенькая!» Я улыбнулся и сказал: «А знаешь что, это правда!» Она с ужасом на меня взглянула и воскликнула: «Что же тогда мне делать? Я погибла!» – «Нет, ты не погибла. Ты должна научиться преобразовать тщеславие в благодарность. До смирения ни тебе, ни мне еще пути нет, мы не знаем, что такое смирение,

это свойство святых. А благодарность – это свойство, которое мы, каждый из нас, можем приобрести в любую минуту». – «А как же это сделать?» – говорит она. «Вот что сделай: три раза в день становись перед зеркалом и перечисляй все черты твоего лица, которые тебе нравятся: лоб, брови, глаза, губы, нос, щеки, в общем, все что ты только можешь видеть в себе хорошего. И когда кончишь, скажи: Господи, спасибо Тебе, что Ты мне все это подарил, потому что я этого не создавала в себе. И прибавь еще: И прости меня, Господи, что на ту красоту, которую Ты мне дал, я накладываю такое отвратительное выражение, которое у меня сейчас на лице». Я думаю, что это можно применить и к духовным свойствам. «Нищи духом» те, которые сознают, что все, что у них есть, – от Бога, и вместо того, чтобы ради приобретения ложного смирения отказываться от этого, отрицать это, они воспринимают это и обращаются к Богу с благодарностью за то, что Он это им дал.

А дальше? Дальше они могут эти дары употреблять на пользу другим. Если у них есть красноречие, ум, образованность, чуткость, – бесконечное число свойств можно привести, которые нужны или полезны духовнику, – то пусть благодарят! Благодарят – и от благода-

рения смиряются, потому что человек понимает, что все, за что он благодарит – не его, а подарок ему от Бога. А если подарок, то он может ликовать о том, что это ему дано, но никак не кичиться этим. Вопрос о культе личности в священнике начинается с него самого. Он должен, – всякий из нас должен, – учиться в течение всей жизни, а не только в какой-то момент жизни, благодарить Бога за то, что ему дано, и не приписывать себе ничего.

Есть в житии святого Макария Великого рассказ о том, как после его смерти один из учеников видел, как его душа возносилась на небо, и по дороге к небу бесы расставили как бы таможенные столы и у каждого стола его испытывали о каком-нибудь грехе, и он мимо каждого стола проходил чистым. И когда Макарий уже дошел до самых дверей рая, бесы решили уловить его на последнем: они захлопали в ладоши и закричали: «Макарий, ты нас победил!» – надеясь, что уловят его тщеславием. И Макарий повернулся, погрозил им пальцем и сказал: «Нет еще» – и с этими словами ему был дан доступ в рай.

И я думаю, что каждого студента, каждого мирянина, каждого священника и диакона нужно учить этому: все, что у него есть, все богатство – ему дар от Бога; и когда люди хвалят

его, чтобы он внутренне не принимал, а превращал похвалу, которую получает, в благодарение Богу и в сокрушение сердечное, потому что если человек был бы действительно и до конца смиренен и в Боге, то его не хвалили бы за пустяки.

Мне вспоминается письмо святителя Тихона Задонского одному молодому священнику, который ему жалуется, что его хвалят прихожане и что, сколько бы он им ни доказывал, что их похвалы некстати, они только больше его хвалят, и он не знает, что делать. И Тихон Задонский ему отвечает: первым делом ты не говори своим прихожанам о том, что они ошибаются и ты недостойн их похвалы, потому что они к другим несуществующим твоим качествам еще прибавят несуществующее смирение, а ты выслушай их, запомни, какие качества они в тебе видят, и воспитывай их в себе с тем, чтобы стать таким, каким они тебя видят в самом лучшем смысле слова. Тут целое воспитание нужно, и это надо начинать в семье, в обществе, в Церкви, в семинарии, в академии, в течение всего времени, чтобы человек не путал то, что ему дано, с тем, что ему принадлежит по природе или по дару Божию. Это очень важно. И если человек научится не кичиться собой, то культ лично-

сти может вокруг него продолжаться, так же как волны бьют о скалу, но он от этого не сгниет, он от этого не погибнет.

Кроме того, он должен научиться людей предупреждать о том, что он не всеведущий и что у него есть порой мнение, порой знание, а порой невежество или незнание. В вопросах духовных бывают моменты, когда священник по милости Божией, по благодати священства с совершенной ясностью видит, что надо ответить человеку на его нужду и его вопрос. Порой он этого не видит с такой ясностью, но может привести пример из житий святых или цитату из Евангелия; а порой он должен быть в состоянии сказать: «Не знаю!» И люди большие, чем мы, эту смелость имели. Мне вспоминается два случая из жития святого Амвросия Оптинского. Когда к нему приходили люди с вопросами, он их просил побыть в монастыре немножко, пока он помолится и будет от Бога просить ответа. И в обоих случаях эти люди через два-три дня приходили и говорили: «Батюшка, нам же домой надо спешить, а ты нам не даешь никакого ответа на наши вопросы...» И дважды Амвросий отвечал: «Вот уже столько дней я спрашиваю Божию Матерь, какой вам дать ответ, — Она молчит. Как же я могу ответить вам?» И это

в области духовной жизни и со стороны действительно святого старца.

А если речь идет уже не о духовной жизни, а о политических и общественных вопросах, тогда долг священника сказать: я не поставлен здесь вас наставлять о политических проблемах или в мирской области, я поставлен вам проповедовать Евангелие... Это, конечно, ставит вопрос о том, что если у него есть собственные убеждения, то он может влиять на других даже невзначай, даже не ища того. С этим ничего не поделаешь. Если люди видят, что он следует тому или другому пути, то, разумеется, они могут сказать: раз такой замечательный человек так думает, может быть, и мне надо так думать... Но тут человек должен уметь сказать: нет, я так думаю, я так чувствую, потому что я так воспитан, потому что я такого поколения, — мало ли что он может сказать правдивого по этому случаю; а вы ищите правду свою, то есть ту правду, которую вам лично открывает Бог.

А есть области, в которых нет обязательства придерживаться тех или других убеждений. Уклоняться от зла, конечно, должны все и всячески, но если речь идет о политике, о гражданской жизни, то тут оттенков очень много, и надо, чтобы каждый человек поступал по чис-

тоте своей совести, строго наблюдая за собой, поступая так, чтобы он мог стать перед Христом и сказать: я это сказал этим людям от Твоего имени, но не только как бы пользуясь тем, что они во мне видят христианина и священника, а потому что то, что я сказал, коренится глубоко в Твоем Евангелии, в Твоем слове.

С поклонением себе священник должен бороться все время, чтобы люди в нем не видели того, чего в нем нет. Надо, чтобы священники больше говорили о том, что их священство как бы «ограничивается» *совершением* таинств — если можно таким несовершенным словом выразиться — и что когда они совершают таинства, то совершаются таинства не ими, а Самим Богом, Христос является Тайносовершителем, Дух Святой является Тайносовершителем, как это сказано ясно в Литургии! И поэтому, да, я могу сказать с совершенной уверенностью, что слова, произносимые мною в Литургии, имеют божественную силу, потому что я только произношу их, а сила в них — Божия, я повторяю слова, которые Сам Христос нам передал. А в других областях я могу выражаться с совершенной честностью, но не могу сказать, что это Божия воля или Божие представление о вещах.

И.И. Какой смысл Вы вкладываете в понятие послушания, когда речь идет о взаимоотношениях между духовным отцом и духовным чадом в приходской, а не в монастырской практике?

М.А. Я хотел бы, чтобы повторяли людям все время, что послушание не заключается в том, чтобы раболепно исполнять приказания священника, даже если они подаются в форме советов. Послушание – от слова «слушание», и цель послушания – научить человека оторваться от собственных мыслей, от собственного отношения к вещам и вслушиваться в то, что говорит ему другой человек. Здесь начинается послушание, и оно относится не только к церковной практике, но ко всем взаимоотношениям между людьми.

Большей частью, когда с нами говорит человек, мы его почти не слушаем, потому что, пока он говорит, мы готовим ответ на его слова. Вот тут начинается перевоспитание себя. Когда человек с тобой говорит, закрой свой ум ко всем собственным мыслям и вслушайся в его слова, вслушайся так, чтобы понять, как он их произносит, чтобы уловить тот смысл, который он вкладывает в эти слова, а не только звук. И только когда эти слова дойдут до твоего сознания, когда ты их поймешь, когда

ты их воспримешь как свидетельство опыта или искания другого человека, только тогда можно открыть дверь в собственный ум, сердце, опыт и отозваться на них. Но пока человек с тобой говорит, надо только его слышать, а этого мы не умеем делать большей частью. Как я сказал, пока человек говорит, мы уже приготавливаем ответ и поэтому не слышим не то что слов его, не слышим того, что он хочет нам передать. Ибо очень часто слова неудовлетворительны, слова только отчасти передают то, что человек хочет выразить, а мы должны вслушаться.

Знаете, как бывает с песнью: слова могут быть просты, а мелодия захватывающая. И вот надо научиться так слушать другого человека, – *всякого* другого человека, а не только духовника, – как ты слушаешь песнь. Слова выражают истинно, правдиво то, что они должны выразить, но их, как волна, несет мелодия. Если ты мелодию не слышишь, а слышишь только слова, то ты не воспримешь того, что заложено в них. Есть немецкое стихотворение, где говорится приблизительно следующее: Скажи, что такого заложено в маленькой песенке, что ты можешь так ее полюбить? – В ней заложено немного звучности, немного гармонии и целая душа... Пере-

вод неточный, недостаточный, но ведь именно так надо нам относиться ко всякому человеку, который с нами говорит.

А когда говорит с нами духовный отец, то мы должны слышать его слова и за словами уловить глубину – или отсутствие глубины – его духовного опыта. Бывает так, что священник скажет что-то очень простое, что дойдет до твоей души и ее взорвет. А может быть так, что священник говорит от ума, повторяет то, что ему было сказано. Мне вспоминается один случай. Когда я был молодым детским руководителем, проф. Л. А. Зандер собрал преподавателей детской школы и детей и пригласил на показательный урок одного очень знаменитого проповедника в Париже, человека, который пленял всех взрослых, кто только его слышал. И этот проповедник, у которого не было опыта детской работы, дал примерный урок, который восхитил всех взрослых. Это было умно, тонченно, глубоко, истинно. Когда урок кончился, Лев Александрович поймал мальчика лет семи и его спрашивает: «Ну, что ты думаешь об этом уроке?» А мальчонка ему ответил страшные слова: «Здорово занимательно было! Жалко только, что батя не верит в то, что говорит». Это была неправда, но слова были настолько изысканные, тема была представлена

настолько умственно удовлетворительно, что ребенок до души этого человека не дошел, ему показалось, что это пустые слова, медь звенящая. Это очень важно нам помнить, когда мы говорим с человеком или его слушаем.

С другой стороны, иногда человек говорит что-то очень простое, и эти слова доходят до такой глубины нашей души, что могут быть началом нашего обращения к Богу или перемены нашей жизни. Мне вспоминается один случай. Когда я был подростком, в Великую пятницу группа молодых людей собралась у Плащаницы помолиться с замечательным священником, ничем не примечательным, отцом Георгием Шумкиным. Он был человек удивительной внутренней простоты, ничем не выдавался. Он долго стоял у Плащаницы, потом повернулся к нам, и мы увидели, что по всему его лицу струятся слезы; и он нам сказал: «Сегодня Христос умер за каждого из нас. Давайте плакать о том, что мы – причина Его смерти...», стал на колени, и мы заплакали. Эти слова дошли до нашей души. Ничего затейливого в них не было, – в них была истина, и мы ее услышали не от слов, а от того, как это было сказано, от лика этого священника, от слез его, от того, что других слов он *не нашел* перед Плащаницей.

Все это я говорю по поводу послушания, потому что послушание в первую очередь требует слышания. И мы должны научиться, когда кто-то говорит, особенно наш духовный отец, вслушиваться в его слова, и через его слова, через звук его голоса, через всю его личность воспринять тот духовный опыт, из которого рождаются эти слов. Если эти слова не рождаются из его духовного опыта, они могут быть истинными, но они нашу душу перевернуть не смогут, а если и смогут, то *невзирая* на то, что этот священник не сумел нам сам это передать.

В области монашества я читал много житий святых и читал какое-то количество духовной литературы. И меня поражает, что старец, духовный отец, игумен, наставник, пустынный из глубин своего опыта говорит нечто человеку, который ему ставит вопрос, или даже человеку, который вопроса ему и не ставил, но на которого он взглянул и почувствовал: ему надо это сказать. А иногда это не только слова, которые открывают нам понимание, это указание: «Сделай то-то». Сделай то-то, потому что если ты не сделаешь, а будешь только размышлять и переживать, то ты никогда не сдвинешься с места. И вот даже монастырское послушание заключается в том,

чтобы избрать духовника, с которым ты созвучен, который тебя может глубоко в Боге полюбить и которого ты можешь воспринять как человека, который тебе дан от Бога.

Я осмелюсь дать пример из своей жизни. Когда мне было лет семнадцать, я пошел на Трехсвятительское подворье, единственный русский храм в Париже, который остался верным Московской Патриархии в то время. Я шел на всенощную, но так или сяк на нее опоздал полностью, богослужение отошло. Оно происходило в подвальном помещении; я остановился у двери и вижу, как поднимается по деревянной лестнице монах. Я на него взглянул, и в нем была такая абсолютная внутренняя собранность, сосредоточенность, такой покой, что я к нему подошел и сказал: «Я не знаю, кто вы, но я вас прошу: станьте моим духовным отцом». Я никогда не пожалел об этом. Он мне послушания не давал; он *жил* духовной жизнью, он жил глубинной какой-то жизнью и отвечал на мои вопросы на исповеди коротко, просто, ясно, незатейливо. Но у меня было всегда впечатление, чувство, что он – как большой корабль, который идет по морю, а я – маленькая лодочка, которая длинным канатом привязана к этому кораблю. Он далеко-далеко зашел, я еще не приблизился к тому месту, где

он побывал, но он меня за собой влечет. Вот в этом было послушание, потому что он приказов не давал, он делился своей жизнью, своей душой, своей молитвой.

И перед его смертью Господь нам как бы доказал, кто он был. Он болел и написал мне короткое письмо, где говорил: «Я познал тайну созерцательного молчания, я могу теперь умереть». У него был удар, и на третий день он умер. Послушание ему не заключалось в том, чтобы исполнять приказы, а в том, чтобы всем существом вслушиваться в его жизнь, в его душу, в глубины, которые раскрывались, – Божии глубины, которые раскрывались в его глубинах.

И когда речь идет о взаимоотношении духовника в приходе с духовными детьми, большей частью он может им давать конкретные советы о том, как молиться, как достигать трезвости, как достигать чистоты сердца и чистоты плоти и т. д. Он может дать конкретные советы, и этим советам надо следовать. Но сам духовник должен быть очень и очень осторожен в том, что он советует, потому что порой духовник не знает обстановки жизни данного человека и может дать такой совет, который неисполним. Я помню одного человека, который ко мне пришел и сказал: «Что мне делать?»

Я преподаю в университете литературу; я был на исповеди, и духовник мне сказал отныне больше не читать никакой светской литературы. Что мне делать?!» Я на это ответил, что поговорю с духовником, и тот отменил свое решение, потому что это было безумное решение. И можно было бы привести множество таких случаев, – у меня их накопилась бездна сейчас, – когда духовник говорит теоретически, говорит и не от собственного опыта, и не от духовной истины.

Взаимное отношение духовника с духовным чадом заключается в том, чтобы духовник глубоко вглядывался в эту душу, вслушивался в эту душу, старался эту душу понять и никогда не говорил ничего, что до конца не продумано и может оказаться соблазном.

шую доставляет вам душевную пользу. Тут такого закона, который прикреплял бы, нет: избирайте все по расположению своей души. От кого получаете больше душевной пользы, того и держитесь, к тому прибегайте.

– *В каких случаях можно переходить от одного духовного отца к другому?*

– Если вы чувствуете, что не получаете уже духовной пользы, утешения в руководстве тем или иным духовником, а от другого – получаете душевной пользы больше, то, не смущаясь, можете перейти к другому. Лишь бы получали для души большую пользу, лучшее руководство.

– *Известно, что в современных монастырях жизнь протекает совсем иначе, нежели в древних. Еще в прошлом веке писал святитель Игнатий (Брянчанинов) об упадке монашества и о том, что тихие, казалось бы, пристани становятся пучиной гибели для многих душ. В особенности сегодня это касается, как считает автор этой записки, женских монастырей. Возможно ли сейчас в здоровой духовной обстановке подвизаться в монастыре? Знаете ли вы сейчас женские обители, конкретно, в какие безбо-*

язненно можно вступить человеку, имеющему благословение на монашество?

– К сожалению, я, конечно, этого не знаю. Надо поехать и побывать лично в женских обителях и посмотреть на их внутреннюю духовную жизнь и какое-то уже сделать заключение. К сожалению, я даже из обители преподобного Сергия никуда не выезжаю. Конечно, сейчас этот вопрос актуальный, важный, серьезный. Беда, конечно, в том, что у нас нет кадров, таких духовных лиц: в мужских монастырях – таких духовников опытных нет. А в женских – нет таких духовных стариц, которые бы окормляли молодых, новоначальных. Конечно, это большой пробел. Но говорить о том, что монастыри совсем не надо возрождать и создавать, поскольку там нет полноценной духовной жизни, – считаю, что это тоже будет не совсем правильно. Те, которых Господь призывает к монашеской жизни, кого Он именно призывает, – Господь дает силы, дает разум, дает терпение. Хотя и скудна сейчас жизнь в духовно-нравственном плане во вновь возрождающихся обителях, – но все-таки там собрана община во имя Христово. И если человек пришел именно с целью спасения своей души, я думаю, Господь, ими же веся судьбами, но

будет подавать человеку и утешение, и подкрепление, и совершенствование в его духовной жизни.

Хотя, конечно, может быть, будут большие неприятности, переживания, неудобства, но тем не менее спасение совершаться будет и совершается.

– Для желающих идти в жизни путем монашеского подвига какой путь избрать в современном мире: служение спасению ближних, не знающих Христа, наших современников, или уединенное делание в тихой пристани?

– Куда кого Господь призывает, к какому образу жизни. Если Господь призывает вас к уединенной жизни – идите! Если призывает Господь на поприще служения ближнему – идите на это служение! Послушайтесь, куда вас Господь призывает. Каждому человеку есть призвание от Бога.

– Есть ли в наше время сейчас старцы?

– Старцы – не знаю. Старики – есть.

– Знакомы ли вам случаи счастливого многолетнего брака?

– Я думаю, сейчас можно взять семьи священников. Они все, по-моему, в многолетнем браке. В миру сейчас, конечно, распад семьи, брак разрушается очень быстро, полный развал. Но если взять благочестивые семьи духовных лиц, священников – там семьи образцовые. Есть с чего пример взять.

– Очень желаю научиться настоящему покаянию. Пожалуйста, расскажите, как строить свою исповедь? Как запоминать, записывать, обобщать потом грехи на исповеди? Если человек постоянно внимательно следит за собой, то потом как ему на исповеди себя вести? Если каждый день записывать грехи, то на исповеди что с ними делать – все читать, обобщать или как? Как правильно исповедываться?

– Раньше в обителях духовная жизнь была поставлена высоко, там практиковалось открывание помыслов. Послушники имели обычай: в конце дня приходили к старцу и свои помыслы открывали. Это, конечно, давало возможность следить, бодрствовать над своими помыслами и исправлять их. А старец, если были какие-то отклонения, давал направление, и, таким образом, человек шел правильным путем в своей духовной жизни. В настоящее вре-

мя у нас ввести такой обычай, наверное, не представляется возможности ввиду того что, если взять монастыри, там прежде всего некому открывать помыслы, нет духовников. И сестры почти что все бывают очень заняты работой по восстановлению новых обителей. Не хватает времени, и, конечно, ни одна игуменья не даст благословения на введение такого обычая. Поэтому, если кто печется о спасении своей души, следует записывать свои грехи на бумаге – это дело похвальное, и оно уже имеет примеры и в древних монастырях. Поэтому записывать грехи можно и нужно. А на исповеди уже старайтесь как-то с духовником там договориться, чтобы он давал вам побольше времени, выслушивал вас, чтобы вы могли все эти свои грехи ему открыть и исповедать. Таким путем можно. И, конечно, вот так бодрствовать и трезвиться над своими помыслами – это вменяется каждому, это заповедано Святыми Отцами: каждый из нас должен трезвиться постоянно и проверять свои помыслы. И какие греховные мысли и страсти борют иногда – надо обязательно это на исповеди открывать духовнику.

– Каковы признаки призванности к монашеству? Можно ли идти в монастырь и прини-

мать монашество, если родители желают только супружества своим детям?

– В монастырь надо идти по призванию. Так же, как и на пастырское служение. Нужно обязательно призвание Божие. Если кто минует это, то обычно всегда оканчивается неудачей. Какие признаки?

Если кто призывается к семейной жизни, то обычно такой человек только и думает что о семье, о детях, о супруге, о будущей своей семейной жизни. И вот это уже является признаком призвания Божия к семейной жизни. Если же, наоборот, у человека в душе какая-то боязнь вот этой семейной жизни, боязнь иметь детей, какое-то отвращение к семейной жизни, – это уже явный признак призвания Божия к жизни безбрачной. Это каждый должен испытывать.

Если родители так неразумно вмешиваются и нарушают призвание Божие – это тоже заканчивается трагедией. Надо испытывать призвание Божие: к какому пути Господь призывает тебя.

– Как бороться с печалью, которая постоянно беспокоит? Возникает сильный ропот и безразличие.

– Печаль – это один из семи смертных грехов. Поэтому с печалью надо бороться. Это бывает тоже по бесовскому наваждению, и того, кто подвергается этому наваждению, Святые Отцы прежде всего призывают к терпению. Надо вооружиться терпением, и в это время молитвою, чтением Слова Божия заниматься и освобождаться от этого духа уныния и печали.

– *Как можно побороть страсть празднословия?*

– Повесить замок на уста. Страхом Божиим, конечно. Надо все-таки себя ограждать страхом Божиим и памятью того, что Господь сказал: «За всякое праздное слово люди дадут ответ на Страшном Суде». Это должно устрашать, это должен каждый помнить, что на Страшном Суде Божиим все это будет предьявлено в обвинение. Надо этого остерегаться и хранить свои уста.

– *Будет ли скоро кончина мира и стоит ли вообще учиться и вообще что-нибудь уstraивать, в том числе и жизнь?*

– Никто не знает ни дня, ни часа, когда будет пришествие Христово. Трудиться надо,

учиться надо, работать надо, совершенствоваться надо. Пока Господь дает нам время, надо над собой работать. Надо бороться со своими греховными наклонностями, своими пороками, искоренять из своей души все злое, худое, порочное. Вот цель и смысл жизни. Пока еще Господь двери покаяния не закрыл для нас, нужно стараться: пользоваться таинствами исповеди, покаяния и себя готовить к вечности. Думать о том, что будет кончина века и опускать руки – нельзя. Никто не знает, когда Господь придет. Но мы должны быть готовы всегда к встрече с Господом. Поэтому мы должны со страхом проводить время своего странствования на земле и не обольщаться никакими мирскими удовольствиями, страстями, а проводить жизнь трезвенную, правильную. Проводить свою жизнь в чистоте и молиться всегда, быть всегда в трезвении.

Все материалы настоящего сборника перепечатаны из журнала «Церковь и время» № 2 (9), 1999. С. 7–78.

Полный текст выступления Святейшего Патриарха Алексия на Епархиальном Соборании г. Москвы 23 декабря 1998 г. можно найти в «Журнале Московской Патриархии» № 2, 1999.

Полный текст беседы с архимандритом Кириллом (Павловым) можно найти в газете «Радонеж» № 11–12 (92), 1999.

Научно-богословский и церковно-общественный журнал «Церковь и время» издается по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II Отделом внешних церковных сношений Московского Патриархата. Подписной индекс 79368.

Содержание

От составителя
3

*Святейший Патриарх Московский
и всея Руси АЛЕКСИЙ II*
Подлинный старец бережно
относится к каждому человеку
7

Определение Священного Синода
25

Митрополит Солнечногорский СЕРГИЙ
Смысл духовничества –
облегчить жизнь человека
35

Митрополит Суражеский АНТОНИЙ
Берегитесь, братья мои, священники!
59

Архимандрит КИРИЛЛ (Павлов)
Духовного отца надо искать
по расположению своей души
133